

Елена Золотарёва

ТАЙНА
ХРАНИТЕЛЯ

Елена Золотарева

Тайна Хранителя

<https://litres.ru/74213867>

Аннотация

Уже неделю ведомство гудит в ожидании прибытия особых гостей. Все ждут инопланетян. С какой целью они прибывают в наш богом забытый край галактики, только одному ему и известно. Но у меня есть проблема посерьезнее – две недели назад я облажалась. Это было самое провальное дело в истории подразделения. Наш отдел еще ни разу не сливал задание так бездарно. А все из-за какого-то инопланетного качка, решившего поиграть в рыцаря и спасти меня от злодея. Чтоб ему провалиться! Его счастье, что на бескрайних просторах космоса шанс встретиться один на миллиард! История Ирима из "Тайны Императора" .Можно читать отдельно. Безумно горячо!!! МЖМ

Содержание

1. Красный фонарь	4
2. Прозрение	28
3. Какая встреча!	56
Конец ознакомительного фрагмента.	86

1. Красный фонарь

Служба безопасности околоземного космического пространства

Зима

Уже неделю ведомство гудит в ожидании прибытия особых гостей. Все ждут инопланетян. С какой целью они прибывают в наш богом забытый край галактики, только одному ему и известно. Хотя был слух, что незадолго до этого собирали они генетические данные. Видать, кровушки нашей захотели, супостаты! Но у меня есть проблема посерьезнее – две недели назад я облажалась.

Это было самое провальное дело в истории подразделения. Наш отдел еще ни разу не сливал задание так бездарно. А все из-за какого-то инопланетного качка, решившего поиграть в рыцаря и спасти меня от злодея. Чтоб ему провалиться! Его счастье, что на бескрайних просторах космоса шанс встретиться один на миллиард!

Я разрабатывала Даво месяцы. Выслеживала, изучала диалекты его подельников, чтобы в день X получить нужную мне информацию и быстро исчезнуть. Но, когда настал тот самый день, с самого утра все пошло наперекосяк.

Спутник «Красный фонарь», галактика Анпира
За две недели до описываемых событий

— Зима, а может, ну его, это управление! Останемся здесь, подсобираем гонарской бирюзы и забудем, что такое построение в семь, берцы и работа без выходных-проходных? Никто командовать не будет...

— Как же, не будет. По-твоему, «раком» и «причмокни» уже не команда? — ворчу себе под нос.

Я переживаю как никогда. На кону звание и место в штабе, мне необходимо сосредоточиться, настроить себя на выполнение сложной задачи, а я выслушиваю фантазии своей одинокой коллеги. Эта уже даже резинового мужика купила — так скучала по мужским объятьям.

— Умеешь ты все настроение испортить! — Риска дует губы и мгновенно грустнеет, — помечтать уже нельзя...

— Помечтать о чем? О том, что на Красный Фонарь прилетит благородный принц? — ворчу как старуха.

— А почему бы и да! — оживляется девушка, и глаза тут же загораются нездоровым блеском. Ох, как же ей замуж-то хочется!

— И что ему делать в этом притоне? Судьбу свою искать?

— Фу, какая ты зануда! — улыбка Риски тухнет, и она утыкается в планшет, проверяя сообщения, — катер воздушной охраны наш до рассвета. Так что у нас часов пять, чтобы закончить дело и убраться отсюда.

В животе привычно начинает копошиться червячок — особенное состояние волнения, которое меня исцеляет, дает стимул жить. Уже не могу сидеть на месте, терпение на ис-

ходе, но раньше времени покидать номер опасно — рискуем нарваться на тех, кто должен стать нашей добычей. Поэтому, когда часы сигналият о том, что время начала операции пришло, подрываюсь с места.

Поправляю парик — блондинистый боб, втискиваюсь в туфли на трехэтажном каблуке и оттягиваю узкую юбку ниже, чтобы прикрыть хотя бы складки под ягодицами. Работа, конечно, не мечта, но стоит того, чтобы наконец получить заветную звездочку и... попасть в этот чертов госпиталь, что принимает лишь старших офицеров.

Последние два года меня мучают зверские головные боли, и обследование в лучших клиниках страны не дало результатов. Врачи только разводили руками, советуя попробовать попасть в «Офицерку», мол, у них там есть оборудование, способное мертвого поднять, не то что головную боль вылечить. Я и пошла. А что было делать, если от звона в ушах я на стены лезла в самом буквальном смысле этого слова?

Знание инопланетных языков и моя врожденная способность распознавать незнакомую речь, сослужили добрую службу. Мне сразу присвоили звание младшего офицера. Затем в течение года благодаря мне раскрыли четыре дела, висящих десятилетие, за что звездочек на погонах добавилось, но дорога в госпиталь «для особых» все еще была закрыта. Поэтому сегодняшнее дело я не должна была провалить ни за что! Это был мой шанс на жизнь без боли.

Спустившись в бар при отеле, хотя «отель» слишком

громко сказано, мы с Риской заняли каждая свою позицию и стали ждать. Она расположилась в кабинке у балкона, чтобы наблюдать за мной. В нужный момент капитан Лажа (да-да, дал же бог фамилию) должна была быстро подогнать воздушный катер к окошку номера нашего Дадо и, забрав меня, свалить в закат. Я же в этом деле была приманкой – девушкой с очень низкой социальной ответственностью, торгующей своими прелестями у бара.

Начались наши неудачи с того, что в последний момент ей сообщили, что из-за присутствия важного гостя (а то, что им был «наш клиент» я не сомневалась), все катера должны были ожидать на крыше. Вторым факапом стало то, что местные девицы, прикормившие бармена и охрану, увидев во мне конкурентку, решили не пускать пришлую к барной стойке и выкатили им требование, выгнать «чужачку». За пропуск мне пришлось вывалиться круглую сумму. Слава богам, отправляя нас на задание, управление было как никогда щедро, но присвоить неосвоенное не получилось. Ну и третья неудача меня постигла тогда, когда уже все было на мази...

Дадо среагировал на меня почти мгновенно. Зря что ли я изучила его вкус, и вырядилась соответствующе! В лучших традициях земных жриц любви: неприлично короткая юбка, глубокое декольте и алая помада. И ни одна из того набора инопланетянок, чье место у бара сегодня я заняла, просто не имела шанса. Землянин был до жути традиционен в своих

предпочтениях.

Завязать беседу было проще простого. Потом просьба угостить коктейлем, танец у барного стула, и Дадо на крючке.

— И откуда такая куколка прилетела? — его длинный нос так и норовит нырнуть в декольте.

— Неважно откуда. Главное, что я вся твоя! — давлю из себя страсть, и мужчина ведется. Сжимает мою задницу в своих кровавых лапах и все же ныряет носом в ложбинку между грудей.

Изображаю похоть, иначе его дружки и охрана меня раскусят, а сама кошусь на часы. Скоро нужно будет тащить его в номер, значит пришло время угостить дружка особым гостинцем.

Выуживаю все из того же декольте трубочку, набитую чудо-порошком, и, облизнув губы, беру ее кончик в рот. Мне ничего не будет. На меня давно не действуют ни алкоголь, ни другая запрещенка. Организм просто не усваивает их, возможно, именно поэтому от моей беды ни одна таблетка не помогает. А вот у мужичка от дыма перестанет работать все, что ниже пояса. Он расстроится, побесится немного, а потом выгонит меня из номера. Но я к тому времени уже успею наставить жучков.

Огоньку просить не приходится. Дадо, вспотевший от желания, сам дает прикурить, и жадно следит за каждым моим движением.

Втягиваю едкий дым и медленно выпускаю его изо рта,

завязывая языком узелки, чтобы получились сердечки. Не спрашивайте, откуда я это умею!

Дадо сверкает бриллиантами в зубах, хлопает и привлекает дружков, чтоб видели, какая телочка его развлекает сегодня. Мне несложно. Вдыхаю дым, и сизые ароматные колечки расплываются над барной стойкой. Довольный представлением, он достает из нагрудного кармана бархатный мешочек и запускает в него толстые короткие пальчики. Я как порядочная простигосподи, включаю азартный блеск в глазах, а с появлением первого камня гонарской бирюзы, начинаю рвано дышать. В его руках и правда целое состояние, но как выяснилось, деньги не все решают. Мне нужны должность и звание.

Прикусываю нижнюю губу, замороженно смотря на голубоватый камешек. Но Дадо пытается дразнить, растирает его в пыль и слизывает с пальцев. Отлично! Если на зуб попадетя жучок, примет его за кусочек бирюзы. Что ж, придется включаться в игру по-взрослому.

Обиженно дую губки, а сама не свожу глаз с мешочка. Как только Дадо ныряет за бирюзой, мгновенно веселею и хлопаю в ладоши как дурочка. Ему нравится, и это главное.

Пока это жадное чудовище нащупывает камень поскромнее, чувствую на себе чужой взгляд. Риска, наверное, наблюдает. Пытаюсь не придавать значение жжению кожи на всех обнаженных частях тела и изображаю страсть дальше.

Высовываю язык, а старый пень продолжает измываться.

Уводит пальцы с порошком, вынуждая водить головой за ними. Послушно поддаюсь, в мыслях кляня все на свете.

Стоит голубой пыли лечь на кончик языка, быстро затягиваюсь дымом, попутно выковыривая языком жучок, прикрепленный к фильтру, и отправляю все это дерьмо в рот Дадо. Приходится целоваться, но чего не сделаешь ради звездочки.

Пока предаюсь тошнотворным утехам, взгляд натывается на кучку стриптизерш, обрабатывающих одного из гостей притона. Здоровенный. И красивый. Неужели никто не дает, что сюда лететь пришлось бедолаге? А может, у него настолько большой, что ни одна не рискует? Сразу вспоминаю страдания Риски. Вот бы девчонка оторвалась! Но у нас работа.

Как только убеждаюсь, что противный дед все проглотил, отстраняюсь, чтобы запить вкус ужасного поцелуя, но он резко хватает меня за горло и тянет к себе.

— Не спорь со мной, дрянь! — рычит Дадо, недовольный моим поведением, — ты проглотишь это!

В последний момент удается побороть инстинкт и не выключить гада прямо здесь в баре. Получаю пощечину и проклиная свою болезнь, которая вынудила меня терпеть все это дерьмо, но открываю глаза и послушно подставляю язык.

Пыль гонарской бирюзы действует как афродизиак. Представляю, как дедуля обделается, поняв, что мозг хочет, а член не стоит! Только злорадство позволяет держаться даль-

ше — на меня-то его уловки не действуют!

Извращенная фантазия Дадо выходит на новый уровень, и он достает нож. Эти игрища мне начинают изрядно надоедать, и я перехожу к активным действиям. Пока он поддевает мою одежду кончиком ножа, бессовестно лапаю дряблое тело. Слизняк почти протыкает кожу на бедре, и я, пытаясь убрать лезвие, раню ладонь. Несильно, но достаточно, чтобы взбеситься еще сильнее. Тупая боль распространяется по руке, а я вынужденная улыбаться.

— Идем, белобрысая киса, — он поднимается с барного стула, и я блаженно подкатываю глаза. Ну наконец-то созрел!

Предвкушая скорое завершение дела, шатающейся походкой иду вдоль бара, и снова чувствую чей-то взгляд. Спину обжигает холодом, а потом меня будто в смолу окунают. Пытаюсь вдохнуть, но дается трудно. Не-е-ет. Это точно не Риска.

Внезапно Дадо тормозит, и я влетаю в его спину. Впереди потасовка с участием того красавчика, что пять минут назад зажигал с танцовщицами. Он стоит, руки в карманах, а на полу кочевряжится один из охранников Дадо. Вот, парниша, ты попал. Сейчас твой brutальный профиль знатно подрихтуют...

Но этот бессмертный, похоже, плевать хотел на Дадо и его быков, и как ни в чем не бывало, подходит к бару.

— Марьясы! — машет бармену и через зеркало за стойкой смотрит на меня, поверх очков. От цепкого взгляда снова

спирает дыхание, будто кислород перекрыли.

— Я не понял! — Дадю, покачиваясь, срывается с места, и глаза его наливаются кровью.

— Мась, — меня воротит от отвращения. Ненавижу все эти глупые прозвища, но это первое, что пришло на ум, — Мась, не надо! Ну брось его! — еще не хватало, чтобы он влез в драку. Э! Дядя, переключись, тебя ждет теплая постелька и горячая женщина!

— Ты плохо понял? — он локтем сметает стопку со стойки, и та падает аккуратно на голову охранника, что скулит на полу с вывернутой ногой. Не везет тебе сегодня, пацан.

— Вали отсюда! Понял? — ерепенится Дадю, позабыв обо мне. Слышала, что у бандитов дела чести важнее каких-то там баб, но, послушайте, ЭТО личное оскорбление!

— Ну Мась! — напоминаю о себе, и тут же получаю удар такой силы, что отлетаю и приземляюсь скулой о холодный полированный камень барной стойки. Вашу мать... Да и хрен с ним, с синяком. Эти быки мне все дело сорвут!

Пока считаю звездочки, громила уже припечатал длинный нос моего клиента к барной стойке.

К нам сбегается охрана, подельники Дадю и прочие маргинальные личности. Понимаю, что все. Кина не будет. И звездочки тоже. Соответственно и госпиталя, и лечения, и спокойной жизни без этой чертовой головной боли. Плакать хочется как никогда в жизни.

— Ты как?

Мистер Облом оставляет Дадю стонать, а сам тянется к моему лицу. Мозг отмечает красоту его крупной мужской руки, волосы на тыльной стороне ладони, уходящие под ткань худи, опрятные ногти и жилки на запястье. А еще его кожа немного блестит черным. Еще бы! Стриптизерш лапать! Там и задница в блестках будет. Но это все фоном. Важно другое!

Он карьеру мою разрушил и теперь спрашивает, как я?

Отвратительно! Ужасно! Чертовски плохо!

— Да пошел ты! — рычу ему в лицо, задрав голову, и, собрав всю свою злость и ненависть, бью в грудь, чтоб исчез с дороги.

Запястья прошибает током, будто я сухожилия порвала. Собираюсь с силой, чтобы вдохнуть, но то, что вижу, окончательно вводит в ступор. Его глаза загораются. Вот прям как два фонарика одновременно включили. Только вместо света — холодный огонь.

Мамочки! Где Риска? Надо скорее уносить отсюда ноги. Мало ли, какие твари здесь еще водятся!

— Мутант чертов, — мое презрение вырывается наружу, и я даю деру в толпу танцующих, взглядом ища Риску.

Возбужденная Риска, дает сигнал, чтобы бежала на крышу. Прорываюсь сквозь толпу, а ощущение, что вязну в чем-то тягучем, липком. Приходится изрядно попотеть, чтобы пересечь танцпол, и как только покидаю пределы зала, чувствую облегчение. Энергетика тяжелая, видимо. Или как там говорят о злых местах?

Только сейчас вспоминаю, что бар находится на первом этаже пятнадцатизэтажного здания. Второй и третий – казино с потолками в шесть метров. Четвертый – бассейн и спа. Еще двенадцать. Итого этажей двадцать. Говорю же, не везет мне сегодня.

Врываюсь на пожарную лестницу и мчу наверх. Хоть бы ноги не переломать на этих каблуках. Но я уже ничему не удивлюсь.

Несусь. Копыта мои стучат, будто табун лошадей скачет, но снимать туфли нет времени. Надо бежать.

Мышцы горят огнем, на висках капельки пота, во рту пустыня.

Когда вижу открытую на крышу дверь и черное небо, издаю очень страшный звук и вываливаюсь в ночь.

Сию на коленях, со стоном хватая прохладный воздух. Обещаю себе, что еще вдох, и я пойду дальше, но сил чтобы подняться нет. Уши заложены, сердце грохочет в районе макушки.

— Зима! — слышу задушенный крик Риски. Она машет рукой, стоя у другого пожарного выхода.

Со стоном поднимаюсь, делаю еще пару вдохов, опираясь ладонями о колени, и чувствую на своей оттопыренной заднице взгляд.

Сердце резко шлепается вниз. Оборачиваюсь, ожидая увидеть кого-то из прихвостней Дадю, а еще хуже его самого. Но нет. Ошибаюсь.

Прислонившись к вентшахте, сидит мужик в капюшоне и пялится на мои «прЭлести». Глаза поблескивают, напоминая голограмму. А улыбочка у него такая наглая и заносчивая, что очень хочется показать средний палец. Но, во-первых, инопланетянин – не поймет, а во-вторых, некогда мне.

Гордо распрямляюсь, отбрасываю волосы назад и от бедра шагаю к Риске.

— Ну дела... — она под впечатлением. Тараторит так, что двигатель дедушкиного мопеда не перетарахтел бы ее, — парень, конечно, просто боженька!

— Твой боженька нам все дело сорвал! — снова ворчу, — мы уже встали, чтобы в номер пойти, а тут он нарисовался!

Коллега кусает губу, понимая, что действительно дело заporоли.

— Я хотя бы успела ему в рот жука затолкать. Может, получится отследить.

— И послушать шелест его кишок...

— Фу! Риска, и без того тошно.

Она кривится, но лицо снова принимает мечтательный вид, и я понимаю, о ком пойдет разговор дальше.

— Да...если б с тем красавчиком поцеловаться...

Ну вот. О чем я и говорила.

Несколько секунд идем молча, но вскоре капитан Лажа вспоминает о том, что на службе, и от мечтательной улыбочки не остается и следа.

— На Хокме нас уже ждут. Я предупредила. Там с ди-

пмиссией корабль должен был отбыть, но решили и нас забрать.

— Отлично. Не придется торчать в этой дыре.

— Девушки! — голос сзади заставляет обернуться. Все-таки вид моих стрингов не оставил пацана равнодушным. Покачиваясь, он бессовестно пялится на мои ноги и облизывается.

Задвигаю Риску за спину, чтоб раньше времени не потекла от вида красивого мужика, и поднимаю бровь, мол, что надо.

— Может выпьем?

— Тебе уже хватит! — разворачиваюсь и толкаю Риску к катеру, чтоб шла быстрее. Достаточно нам сегодня приключений.

Шагов не слышно, но пятой точкой чувствую, что идет следом. Оборачиваюсь, и правда.

Стоит остановиться, как он замирает, и на лицо возвращается пижонская улыбочка.

Качаю головой, заставляя себя просто уйти, и даже успеваю дойти до катера...но обнаженную шею обдает горячим дыханием.

— Кукла, в гневе ты прелесть! — с хрипотцой выдает он и тянет руку к моей заднице.

Годами отработанным движением, делаю хват, оборачиваюсь кругом и заламываю руку за спину, заставляя наглеца нагнуться.

— Нет, я конечно, люблю настойчивых, но это даже для меня перебор! — возмущается Риска.

Его глаза вспыхивают так же, как у того парня в баре, и от испуга бью мужику в челюсть. По его лицу расплываются разноцветные блестяшки, а по мне проходит табун мурашек. Точно мутанты.

Неожиданно свет в его глазах меркнет, тело обмякает, и он падает в раскрытую дверь катера, перекрывая своей огромной тушей вход.

— Ты видела? — в ужасе ревет Риска, — что делать-то с ним теперь? Он же здоровый, не вытащим.

— Значит, с ним полетим.

Прикидываю, как бы закинуть его ноги в катер и, наконец, смыться отсюда.

— Патрулю на Хокме сдадим. Пусть сами разбираются.

— Зима, он страшный! Нет, красивый, конечно, но я его боюсь, — истерит моя подруга, прыгая на месте.

— Вытаскивай! — киваю на бугая, и кошусь на миниатюрную капитаншу, которая и руки его не передвинет.

— Ладно, полетели. Я завожу.

Она смывается быстрее, чем я успеваю сообразить. То есть затаскивать его я одна должна? Ладно.

Пыхтя, я затолкала ноги мутанта внутрь, стараясь не обращать внимание на свет, который излучала его кожа при каждом прикосновении. Опустила створку двери и, пристегнув его наручниками к поручням, заняла место рядом с Риской.

Красный фонарь мы покинули без проблем, если не считать проблемой того мутанта, которого мы были вынуждены взять с собой. Всю дорогу я то и дело косилась в его сторону, ожидая, что он резко, как в фильме ужасов, откроет глаза, и они снова станут светиться. Но тот был в отключке. Подозрительно. Не так сильно я его ударила.

Но было еще кое-что странное. Каждый раз, когда я отворачивалась, чувствовала на себе его дыхание. Медовая нега окутывала своим теплом, и хотелось прильнуть к сильному мужскому телу и никогда не разжимать рук, что крепко обвивают сильный торс.

Наверное, Рискины флюиды на меня так действуют.

Несколько минут полета проходят в тишине. Риска за штурвалом, я тупо пялюсь в черное бесконечное пространство в иллюминаторе. Только сейчас понимаю, что весь вечер я не чувствовала головной боли. Утром было немного, но так происходит всегда, когда я на задании. Наверное, отвлекаюсь. Но теперь-то что? Самое время разболеться.

Прислушиваюсь к ощущениям, но в голове тишь и благодать. Я, наверное, в детстве так себя не чувствовала, как сейчас. И хочется плакать, потому что жизнь без боли есть! Но я уже как параноик жду ее прихода.

— Да не грусти ты! — Риска отрывает взгляд от приборов и сжимает мою ледяную ладонь, — ну сорвалось, ну бывает.

Она хоть и повернутая на теме парней, но добрая и душевная. Умеет сочувствовать, и, глядя на нее, кажется, что

все твои печали она себе готова забрать.

Отмахиваюсь, избегая смотреть ей в лицо. Знаю, что сейчас разревемся как дурочки, а мы вообще-то капитаны на задании. Так что, отставить сентименты!

— Может вернемся? — скулю себе под нос, понимая, насколько это будет глупо, но надежда закончить дело еще теплится. Все же, уезжать не солоно хлебавши, ой как не хочется.

Риска делает вид, что не слышит. Что толку обсуждать заведомо неудачную идею.

— Ладно. Пойду душ приму. Перед начальством надо предстать в форме агента, а не проститутки.

— А меня с этим оставишь? — косится на тело в отключке и достает из-за пояса лазер. Ну чтоб в случае чего долго не копать.

— Да пьяный он! Спит, — успокаиваю коллегу, пока снимаю парик и укладываю его в сумку. Мне понравился, может, пригодится еще.

Распускаю собранные под сеточку волосы, встряхиваю их пальцами и стону от приятного ощущения свободы. Избавляюсь от туфель и, глядя на их растерзанную подошву, швыряю в шахту для мусора. Достая пакет с бельем и вдоль стеночки, чтобы не коснуться инопланетянина, пробираюсь в сантехнический отсек.

Стоит откатить дверь, как мужская нога, прислоненная коленом к стене, меняет положение, и дверь оказывается за-

блокированной. Теперь ее не закрыть. Черт! Ну как я не продумала такую ерунду!

Пытаюсь сдвинуть ногу, чтобы принять душ за закрытой дверью, но она будто в пол вросла – не шелохнется. Окей, устроим общественную купальню.

Вхожу в отсек. В помещении полтора на полтора уместился унитаз, раковина с полкой и душевая кабинка. Правда, она настолько узкая, что мыться в ней только на вдохе. Ну или это я такая большая. Не зря, наверное, из балета выгнали. Сказали: «Для балета бог создал миниатюрных женщин. А ты, Винтер, со своим ростом нам не подходишь!» Видимо, сто восемьдесят многовато не только для балета, но и для кабинки космокатера.

Протискиваюсь внутрь, не без удовольствия снимаю униформу жрицы любви, потом кружевное белье и отправляю его следом за каблуками. И кто придумал, что женщины должны так мучиться? Да не один мужчина не напаялит на себя эти колючие трусы, врезающиеся в задницу!

Нажимаю на кнопку подачи воды и отскакиваю, напарываясь задом на металлическую раковину. Ледяные брызги больно кусают кожу. Может, ну его, этот душ? Но вода почти сразу теплеет, да и на ногах малиновые пятна от пролитого коктейля, их все равно надо смыть.

Душ узкий, чтобы наклониться, надо развернуться так, чтобы пятая точка выпирала из кабинки, а с моим ростом, и из двери в душевую. А там, на минуточку, инопланетный

товарищ почитать изволил. Очнется, откроет глаза и увидит мои пышные булочки со всеми подробностями над своим лицом! Да и ладно. Не мои проблемы.

Пока моюсь, то и дело поглядываю на мужчину. Его лицо расслаблено, и только губы застыли в легкой, едва заметной улыбке. Красивые губы. Не тонкие, и не слишком пухлые. Щетина ухоженная, но бородой ее пока не назовешь. Тени падают так, что лицо кажется рельефным, с острыми скулами и впадинами на месте щек. С одной стороны, страшно, но нереально красиво. Волос не видно под капюшоном, но мне кажется, что они темные и густые, как и на лице. Да и какое мне вообще дело, какие у него там волосы! Обычный инопланетянин гуманоидного типа. Другие в наших местах редко встречаются.

Отключаю подачу воды, тянусь за полотенцем и промакиваю верхнюю часть тела. Кусочек ткани настолько мал, что мгновенно пропитывается водой, и приходится взять второе. Второго хватает тоже не на много, а третьего попросту нет.

Страхиваю остатки воды со ступней, влезаю в удобное хлопковое белье и пытаюсь выйти из душевого отсека.

Мужчина в той же позе. Не объедешь! По нему ступать что ли? Нет уж! А вдруг опять засияет, если дотронусь.

— Зима, ты это видишь? — глаза Риски увеличиваются раза в три. Она становится похожей на героиню японского мультика для взрослых. Так и закричит сейчас «Харимееее», высунет язык и затрясется в сладострастных конвульсиях.

Отслеживаю ее взгляд и чуть язык не проглатываю. У мутанта эрекция. Нет, не так. У него ЭРЕКЦИЯ! И ткань свободных штанов ее никак не сдерживает.

— Там точно член, а не кол от походной палатки? — скептически поднимаю бровь, стараясь казаться максимально не заинтересованной. Но взгляд приклеен намертво, и щеки краснеют.

— Я хочу запечатлеть это чудо себе на память! Распечатаю и над кроватью повешу! Где моя камера? — вздыхает юная адептка культа фаллоса, шарясь по карманам.

— Ищи-ищи, — ворчу на подругу, — если вдруг рухнем в океан, потому что ты не следишь за дорогой, а пялишься на половой орган инопланетного мужика, сможем сделать из него мачту. А тебя сверху посадим. Будешь кричать: «Полундра!»

Я конечно сыплю колкими шуточками, но это у меня так истерика проявляется. От увиденного я в полнейшем шоке. И восторге, чего уж скрывать.

Прокашливаюсь и заношу ногу, чтобы переступить ЭТО, но мокрые ноги скользят, разъезжаются и... я почти сажусь на возбужденный член! Между моей промежностью и крупной головкой пениса остается не больше пары сантиметров.

За эту миллисекунду успеваю вспотеть так, что можно возвращаться под воду. На этот раз ледяную.

Пока ищу опору, чтобы собрать свои конечности, член вздрагивает, а потом спящий инопланетянин подтягивает

согнутые ноги. Колени толкают меня под зад, и я падаю на него всем телом, даже не успев подставить руки.

— Полундра! — орет Риска, сгибаясь пополам от смеха. Вот сучка!

Парень снова весь поблескивает, и видно, как сквозь закрытые веки светятся глаза. Жутковато, особенно, если учесть, что мы в открытом космосе, и никто на помощь к нам с Рисксой не придет. То, что я уложила этого бугая одним ударом в челюсть, еще больше настораживает. Вот вообще не верится, что это его могло выключить. Такого танком переедь, выживет. Кстати, как и того, что обломал мне все дело с Дадом. Интересно, как он там после потасовки со сборной бандитов? Совесть его не мучает?

Концентрируюсь и делаю вдох-выдох. Руками упираясь о стены, поднимаюсь. Наконец-таки, преступаю через ЭТО и иду к креслу, где лежит дорожная сумка. Старательно отвожу глаза от мужчины, но они живут своей жизнью и хотят пялиться туда, где он лежит. Ну должна же я контролировать его состояние!

Достаю из мини-саквояжа униформу.

— Может, он писать хочет? — не унимается Риска, — знаешь, у них такое бывает.

Подкатываю глаза. Тоже мне спец по мужским хотелкам!

Но делу время, а ржать уже хватит. Отлично владея собой, Риска быстро собирается, возвращает себе серьезность капитана воздушного судна и начинает переговоры с Хокмой,

прося разрешение на посадку.

Надеваю форму международных космических войск. Узкий пиджак, подчеркивающий грудь и талию, юбка карандаш. Я без ума от того, как она сидит на моей фигуре, но на Земле другая форма. Неудобная, топорная. Радуюсь, что выпадает возможность хоть иногда надеть что-то красивое. Правда, балетки все портят, но только они влезли в сумку. Наскоро заплетаю косу и занимаю кресло рядом с коллегой как раз тогда, когда наш катер входит в атмосферу. Бросаю последний взгляд на инопланетянина. Надо бы узнать, что за раса. Чисто ради интереса.

На Хокме нас встречает патруль. Чудика сдаем местным стражам порядка кратко описав суть дела, и, подписав документы, пересаживаемся на корабль дипмиссии. Ждем вылета больше часа, хотя он должен был уже состояться. Риска уходит узнать, в чем дело, а возвращается белая, как мел.

—Этот-т-т...которого мы...с собой...

Сердечко начинает сбоить. Чтобы Риску вывести из равновесия, надо очень постараться, а значит, случилось что-то из ряда вон.

— Он исчез сраз-зу, как только его одного в камере оставили.

— Ну? А вылет почему задержали? — нервничаю я, не видя связи.

— Потому что теперь мы подозреваемые.

— В чем?

— В том, что, пользуясь служебным положением, завезли на Хокму шпиона.

Закрываю глаза и пытаюсь считать до десяти. Не получается. В голове пульсирует лишь одна мысль. Чертовы глиттермены! *

Несколько часов нас допрашивают, сверяют показания и пересматривают записи камер катера. Там даже есть то, как наш беглец получает в челюсть и падает, что тоже очень сильно смущает следователей. На нас начинают смотреть с еще большим недоверием. Чтобы прекратить эту унижительную процедуру, соглашаемся выпить «ключ», но стоит приложить ампулу к губам, как в медблок врывается комендант, гневно фыркает и отбирает раствор.

— Свободны! — явно недовольный тем, что ему придется говорить, толстый низкий мужичок, похожий на шарик, указывает рукой на выход.

— Вы же не верите нам! — отчего-то возмущается Риска. Толкаю ее в бок. Отпустили и ладно, чего на рожон лезть. Но ей неймется, — мы готовы на «ключ». Дайте нам «ключ»!*

— За вас ручались, — ворчит он и косится на меня, — хороших покровителей завела. Молодец.

Настроение падает еще ниже. Неужели Рыжов вмешался? О-о-ох! Лучше бы и правда «ключ» выпили.

До Земли двое суток. За это время успеваем доложить о нашем провале руководству, но им не до нас. По материку промчался ураган. Мощнейший за всю историю наблюдений.

Причем траектория была такой, что нарушила все известные законы движения потоков воздушных масс. Будто кто-то поставил громадный вентилятор и включил его на первую космическую скорость. Пострадавших – миллионы. Погибших – тысячи. А меня точно сам бог отводит. Уже третий раз из командировки возвращаюсь на разрушенную Землю. То цунами смыло всю прибрежную часть западной Австралии, то дремавший вулкан проснулся и засыпал пеплом страну. Хоть не улетай!

Но теперь и возвращаться не хочется. Представляю насмешливые взгляды коллег, которым я и так костью в горле торчала. Слишком быстрый взлет, привилегии в виде отдельного кабинета и частых отпусков за свой счет. Всем это казалось незаслуженным. Но как им объяснить, что, если человек за пару дней справляется с работой, которую не могли выполнить годами, то он может вполне обоснованно претендовать на звездочку? Отпуска же я получаю только потому, что обычно мне в отделе делать просто нечего.

А вот на счет личного кабинета я согласна. Но это наш полковник для меня старается. И как бы я ему не объясняла, что тут ему ничего не светит, упертый так и норовит сделать меня своей любовницей. И, кажется, наше освобождение на Хокме, он превратит в очередной повод, чтобы распустить свои грязные руки.

*(от англ. glitter – блеск, сверкание)

*Ключ – это раствор, действующий на мозг. Выпивая

его, ты слегка тупеешь и не можешь простраивать логические цепочки, что полностью исключает ложь. Герои «Родная кровь» тоже пили «ключ», правда, предметом обсуждения были отношения.

2. Прозрение

Земля

После стихийного бедствия, накрывшего континент, наш город чудом не зацепило, но теперь сюда съезжаются миллионы беженцев, оставшихся без жилья. Чтобы добраться до квартиры приходится ловить попутку – в метро не втиснуться. Хотя, и на дорогах заторы.

Прошу остановить водителя на остановке возле овощной лавки. Меня не было дома почти неделю, в холодильнике пусто, и нет никого, кто подготовил бы теплую встречу. Я живу одна, и даже кошку не завести. Сдохнет бедолага от голода и скуки.

— Ооо! Какие люди! — Рафик, хозяин лавки, кричит на всю округу и, по-отечески меня обняв, затаскивает внутрь. Он всегда меня так встречает, потом нагружает два пакета продуктов и, не взяв денег, отправляет домой, вручая сумки своему сыну, чтоб помог дЭвушке. После таких горячих приемов, мне и заходить туда неудобно, но сейчас делать нечего. Других магазинов поблизости нет, а тащиться куда-то еще нет сил, — выбирай, дАрАгая! Все свежее! СмАтри какой гранат!

Он демонстрирует красный плод с красивым хвостиком, и золотые фиксы на его зубах поблескивают в цвет лампочек.

— Видишь кАрона! Для такой королЭвы как ты! Пачиму

нЭт кАроны? Теперь вот есть! Бери!

Не дожидаясь согласия, он кладет в пакет гранаты, следом яблоки, виноград, ассорти из ягод. Ловко фасует орехи и, пока заговаривает мне зубы, собирает второй пакет с овощами.

— А вот пирог! ХочИшь пирог? Моя Азария делала! — прикладывает пальцы к губам и целует, — нигде тАкого не пробовала! Ризван! Сынок!

Из подсобки показывается сначала большой нос с горбинкой, а потом и сам Ризван. Парень улыбается, и широкая улыбка с крупными зубами на его узком худом лице смотрится очень комично. Мне же резко становится не до улыбок, потому что пульсация в висках предвещает начало моего кошмара.

— Проведи даму до дома! — командует лавочник, и его сын мигом подхватывает сумки, вылетает за дверь и придерживает ее ногой для меня. Ну кавалер! Девочки, налетайте!

Вымученно улыбаюсь. Достаю карту, чтобы расплатиться, но хозяин не принимает.

— Э! Потом отдашь! Приятного аппетита, дочка! Идите, идите!

Обнимает меня и теперь уже выталкивает из лавки, прямо в щуплые объятия своего сына. Хорошо, его руки заняты, и я успеваю отскочить. Был бы он похож на одного из тех, с блестяшками, я бы, так и быть, упала в обморок. Пару раз. А тут...куда тут падать-то? Он такой худой, что, если я упаду, сам вдвое сложится и крякнет.

Всю дорогу молчим. Он, наверное, языка не знает. Но смотрит. Так и доходим до квартиры. На пороге отдает пакеты и ждет, не уходит.

— Благодарю! — открываю дверь и захожу внутрь, любезничать дальше нет ни сил, ни желания, потому что виски сжимает все сильнее. Но Ризван так и продолжает стоять. Мнется. На кофе что ли хочет? Ну так это не ко мне. Я на гостинцы не напрашивалась. Все по доброй воле, так сказать.

Из заднего кармана красного трико парень достает навороченный мобильный и, открыв страницу переводчика, набирает текст. Уже вижу, что хочет, но молчу как партизан. Ему не обязательно знать, что я понимаю его язык и даже могу говорить на нем без акцента.

— Могу в аптеку сбегать. Хочешь?

Мою предвзятость как рукой снимает. Все-таки добрый парень. Не его вина, что плохо язык знает и выглядит, скажем так, не на мой вкус.

Строчит дальше.

— Заболела? Устала? Таблетки надо?

Начинаю таять. Близка к тому, чтобы угостить парня чаем. Вот же оно! То, о чем мечтает каждая женщина.

Набираю в ответ слова благодарности, обещаю зайти завтра, и тут же ругаю себя за это. Ну кто меня за язык тянул? Дала парню надежду. Динамо!

С трудом дотаскиваю пакеты до кухни. На автомате загружаю зерна в кофемашину и открываю окно. Небо хмурое,

тяжелое, как и мое настроение.

Пока автомат издает звуки преисподней, снимаю любимую униформу и набираю ванну. Залпом пью обжигающий кофе, даже не чувствуя вкуса. Пусть боль на языке отвлекает от боли в голове. Я просто больше не могу.

Выходные пролетают как в тумане. Впрочем, это мое обычное состояние, к которому я, кажется, уже начинаю привыкать. Боль становится частью меня и почти даже не мешает жить. Только можно ли назвать жизнью те серые дни, в которых мое работающее тело живет отдельно от головы, страдающей от боли. Благо, особенное сосредоточение в обычных трудовых буднях нужно очень редко. Обычно мои способности нужны в выездных командировках, а там я всегда чувствую себя почти здоровой.

— Ты как? Вазелин приготовила? — шутит моя напарница, которая об одном только и мечтает, — завтра Барсику докладывать, рапорта наши он уже получил.

Барсиком она называет генерала службы безопасности, нашего старшего начальника. В его офицерских качествах я мало понимаю, но как человек он неплохой. И на кота действительно похож. Такой мягкий, усатый и, когда говорит тихо, кажется, что урчит. Но если злится... прячьтесь. Пощады не будет.

— Я сделала, что могла. Пусть этого глиттермена из бара ищут и ему предъявляют.

— Клитор...кого? — начинает хохотать, и в телефонной

трубке слышатся звонкие похрюкивания. У нее все разговоры к одному сводятся.

— Вот ты темная, — устало качая головой, — глиттер! Блеск!

— Ой! — выдыхает, стараясь успокоиться, — ну ты придумаешь тоже.

— А ты как обычно все опоплишь.

Болтаем еще пару минут, обсуждая случившийся во время нашего отсутствия апокалипсис, и в конце Риска добавляет.

— Я там на почту тебе расшифровку по Дадю кинула. Ребята-звукари шумы подчистили. Слышно плохо, но ты, думаю, разберешь.

— Где ты была раньше?!

— Думаешь, это нас спасет?

— Надеюсь.

Прощаюсь с Риской, скачиваю запись и начинаю слушать. Мой голос звучит ужасно, а, если учесть, что это звук из желудка, так вообще кажусь себе прокуренной алкоголичкой. Зато голос блестящего рыцаря в худи звучит как и в жизни приятно. Пытаюсь абстрагироваться, но перематываю уже в пятый раз, чтобы услышать это его: «Марьясы!» и «Ты как?». Его голос ничто не портит. Он низкий, мягкий, уверенный и такой...заставляющий вибрировать.

Заставляю себя сделать десяток берпи, чтобы отвлечься. Я не должна думать о том, кто испортил мне дело, но помогает

плохо. Я снова и снова прокручиваю эти фразы.

Когда мозг перестает обрабатывать одни и те же слова, и они начинают казаться какой-то бессмыслицей, наконец, перестаю мучать проигрыватель и слушаю дальше.

Потасовка, судя по звукам, была недолгой. Как только я убежала, все затихло. Причем во всем клубе. Не припомню, чтобы питание отключали. Странно.

Минут через десять начали прорезаться звуки голосов подельников Дадо, а потом и его самого. Они обсуждают происшествие и того парня, что незаметно исчез, предварительно вырубив всех. Ничего полезного по нашему делу пока нет, но в комментарии к расшифровке отметка, что запись все еще идет, и вторую часть пришлют позже. Бедолага Дадо. Со всем плохо с пищеварением. Надо посоветовать ему вместо виски «Летающую ласточку» пить.

По таймеру вижу, что в записи остается всего несколько секунд, и слышу незнакомое слово. Возвращаю на секунду назад и напрягаю слух.

«Манур» — говорит кто-то из людей Дадо, и я пытаюсь вспомнить, слышала ли где-то это слово раньше. Из контекста ясно, что неизвестное слово относится к моему рыцарю, а с торговлей гонарской бирюзой никак не связано, но мне не удается. Любопытство мое второе имя.

Лезу в сеть и нахожу сухие выжимки из энциклопедии, несколько однообразных фото туристов, кто сумел побывать на этой далекой планете. А ровным счетом ничего.

Черт! Эта полоса невезения когда-нибудь закончится?

Пишу парням, с просьбой прислать то, что уже обработали. Хотя бы еще пару минут записи, но меня вежливо посылают. Это и понятно. Вечер воскресенья, и нечем заняться только мне.

Нога нервно подергивается. Вот спрашивается, зачем мне этот блестящий?

Ругаю себя за глупое любопытство и иду спать. Завтра тяжелый день, а я о манурце каком-то думаю. Но уснуть не получается – прокручиваю в голове детали вечера бесконечное количество раз. Прозрение наступает как обычно среди ночи.

Эти двое связаны! Как я сразу не догадалась? Оба огромные, оба блестят, когда их касается человек, да еще и способностями необычными обладают. Один, не применяя физической силы, уложил охрану, вооруженную до зубов. Второй сделал вид, что отключился от удара в челюсть. Нарочно упал так, чтобы мы не смогли от него избавиться, тем самым обеспечив доставку своей тушки на Хокму, где благополучно очнулся и сбежал из суперохраняемой тюрьмы. Были они там одновременно, а значит, и дело у них одно на двоих.

И каждый из клиторменов (Риска, чтоб тебя!) внес свою лепту в то, что моя задница будет завтра гореть. Ох, ребята! Нажили вы себе еще одного врага.

Утро понедельника приветствует привычным серым небом и головной болью. Не открывая глаз, плетусь на кух-

ню, ставлю чайник и иду умыться. Взяв в руки тушь, тут же откладываю ее. Не хочу провоцировать Рыжова лишний раз. Пусть, наконец, увидит во мне серую мышь и отцепится на веки вечные. Надеваю топорную форму и сразу же покрываюсь мурашками, потому что грубая холодная ткань неприятно трется о кожу. Смотрю на отражение и довольно улыбаюсь. Точно мышь! Все-таки, зря я наговариваю. Отличная форма!

На парковке встречаемся с Риской. Она не в духе, как и я. Ловим насмешливые взгляды коллег-мужского пола, которым наши успехи не дают покоя, но как танки прем дальше. То же мне, мужчины! Надежда и опора, называется! Сильные только на фоне слабых женщин. Поднимаем носы выше и дефилируем к КПП.

— Ну что, родной отдел! Встречай своих неудачниц, — вздыхает Риска, надевая на лицо выражение крайней невозмутимости.

Входим внутрь и наблюдаем, как ребята из оркестра садятся в автобус.

— Не будут нас встречать. Видишь, даже оркестр отменили! — смеюсь, глядя им вслед.

Мимо нас пробегает сержант с пакетом из маркета. В нем, судя по очертаниям, шампанское и коробка конфет.

— Зато шампанское готово, — язвит подруга, — Рыжов тебя наказывать походу намылился.

— Угу, — мычу себе под нос, понимая, что так оно и есть.

Расходимся по кабинетам и приступаем к работе.

К обеду понимаю, что Риска ошибалась. Начальству явно не до нас. Суета на их этаже достигает пика, когда Рыжов, сыпя проклятья на голову нерасторопных служащих, убегает «наверх». И с той минуты в душе начинает теплиться огонек надежды на то, что провал века останется незамеченным. До пятницы живу спокойно. Всю неделю звукари мне шлют расшифровки, и даже кое-что удастся нарыть по делу Дадю.

Но вечер последнего рабочего дня все же омрачается вызовом в кабинет Рыжова.

— В понедельник был у Барычева, — он выходит из-за рабочего стола, медленно обходит кресло, в котором я сижу, и останавливается у секретера, где хранит алкоголь.

Молчу.

— Рапорта ваши успел перехватить. Дело на Хокме прикрыл.

Наливает что-то крепкое, а сам смотрит, глаз с меня не сводит. Видимо, ждет, что рассыплюсь в благодарностях.

— Почитал...и, знаешь, так и не понял, почему задание провалили?

Вздыхаю, чувствуя, как голову сдавливают невидимые тиски. Не знаю, сколько еще выдержу в этом душном кабинете наедине с этим гадом, поэтому вместо ответа на вопрос считаю до десяти.

— Что молчишь, Зима?

— Я Винтер! — огрызаюсь, не глядя на него, — капитан

Винтер.

— Ой! Мы вспомнили, что при погонах? — он подходит и садится задницей на свой стол прямо перед моим носом.

— В таком случае, капитан Винтер, доложите причину вашего провала. Я весь внимание!

— Вы же читали рапорт! Там все написано.

— Доложите по форме, капитан Винтер! — рывкает Рыжов, а я с трудом сдерживаю себя, чтобы не пнуть коленом как раз в то место, которое маячит перед носом.

— Не умею, товарищ полковник, — цежу сквозь зубы, — ментовской грамоте не обучена.

— Вот именно, Винтер. Тебя здесь быть не должно! — он рычит, скалит зубы, пытаясь запугать. Но я уверена в себе. Знаю, что без меня работа их отдела встанет на годы, как прежде.

Он залпом выпивает свое пойло и наливает еще.

— Открой глаза, включи мозги, Винтер. Благодаря кому ты здесь?

Сжимаю зубы. Ответить, что он нуждается во мне больше, чем я в нем, не решаюсь. Уволит сдуру, докажи потом, кто тут верблюд. Я лучше дождусь аудиенции Барсика, там и порешаю.

— Ну хоть не пререкаться мозгов хватает, — хмыкает он и становится так близко, что его пузо так и норовит коснуться моего носа.

Отворачиваюсь, но жесткая потная ладошка хватает за че-

люсть, и Рыжов вынуждает поднять голову и смотреть в лицо.

— Так и быть, о твоём провале докладывать не буду. Там после урагана и так есть чем заняться. Не до нас. Деньги, которые ты спустила, спишу, но!...

Он выделяет это «но» так громко, что в голове начинает звенеть.

— ...но ты должна подумать, какой мне толк от этого. Смекаешь?

Обдумываю, как бы скорее добраться до Барсика напрямую. Но к нему простым смертным не попасть, а знакомых нужных нет.

— Я даю тебе время подумать до вторника, Зима. В понедельник у нас гости. Инопланетники какие-то. Черт разбери, чего они тут забыли, но ты можешь понадобится, так что без отгулов. Ясно?

Киваю.

— Смотри мне.

Вскакиваю со стула, чтобы быстрее покинуть прокуренный кабинет.

— И думай обо мне, капитан Винтер! — напевает Рыжов, мерзко скалясь, — потому что здесь я решаю, когда и кому звездочку с неба достать. Усекла?

Усекла, романтик хренов.

Спутник «Красный фонарь», галактика Антира

За две недели до описываемых событий

Ирим

Даво. Главарь межпланетной группировки, курирующий нелегальную торговлю гонарской бирюзой. И мне бы не было до него дела, если бы тот не оставил следа в истории с пропажей Хранителей. Один за одним исчезают стареющие стражи энергий своих планет, так и не успев передать силу сыновьям. И это грозит не планетарной катастрофой — все-ленской.

Понимаю, что наблюдаю не за ним, а за девушкой. Не пойму, что в ней притягивает взгляд. Я в компании красавиц танцовщиц, маскируюсь под обычного искателя женского внимания за деньги, но они не увлекают. В баре, где приходится торчать уже второй час, десяток девиц не хуже той, что трется у Даво, а меня к этой будто приклеило.

Шальная мысль все же проскакивает, и я опускаю глаза на тора, чтобы в очередной раз увидеть, что кожа не покрылась блеском. Натыкаюсь на плотную ткань пуловера, или как его там (совершенно не разбираюсь в видах людской одежды), но сквозь него ничего не видно. И не потому что ткань плотная, просто эта девчонка не мое солнце. Как и тысячи женщин прежде. Поэтому реакции нет.

«Ну и слава богам! Еще мне не хватало влюбиться в ш...» — будто пытаюсь договориться сам с собой и найти повод не огорчаться. Однако, чувствую, что закипаю.

Смотрю за девушка, как она льнет к Дадю. Знаю, что сейчас он расплатится гонарской бирюзой с барменом и поведет девицу уединяться. Так и происходит. Она томно облизывает взглядом мешочек с камнями. Еще бы, там целое состояние, и один из них, как она надеется, перепадет ей. Если хорошо отработает. И, если выживет, конечно.

Но девица не в курсе, что Дадю в номере будет не один. Там целая банда извращенцев, и ни бирюза, не золото ей не светит. Горничные завтра найдут ее растерзанное и оскверненное тело в ванне. Или служба охраны наткнется на куски некогда прекрасного тела юной дуры где-нибудь под служебной лестницей. Жалко. Разве девчонка виновата, что мозгов нет, а денег хочется?

Ее моральные принципы – не моего ума дело. Я не пастор, чтобы заботиться о благополучии заблудшей души. Я здесь, чтобы слушать треп пьяных бандитов, которые собрались как раз для того, чтобы расслабиться и обсудить детали дела. Уговариваю себя этим и заняться, но не выдерживаю. То, что вижу, заставляет мгновенно подняться.

Дадю берет девчонку за горло и бьет по лицу. Она жмурится от боли, но тут же открывает глаза и высовывает язык, принимая его игру. Дадю растирает самый мелкий камешек бирюзы короткими толстыми пальцами и солит на кончик розового язычка.

Вырубить этого козла, применив ментальную силу, сейчас не могу. Нельзя, почувствуют, что я здесь, да и просто дол-

го говорить не сможет. Поэтому бросаю девчонкам, что крутят стройными бедрами перед моим носом, пару осколков бирюзы, и иду к барной стойке, поближе к парочке.

Узнать не должны. Я одет, к тому же очки на пол-лица и шапка, в которую убраны волосы, абсолютно меняют привычную внешность. Дадо уже достал нож и кончиком пера легонько потыкивает дурынду, глаза которой горят, глядя на мешок с бирюзой. От того количества зелья, что она влила в себя, ее давно должно было вырубить, но девчонка держится, хоть и едва стоит на ногах. А это тому гаду того и нужно.

Когда до бара остается шагов пять, дорогу преграждает тщедушный телок. Надо же, его даже не смущает то, что я на две головы его выше, да и шире раза в три. Еще бы, у него в руках световая пукалка! Сильно!

Отодвигаю нахала в сторону, но тот обегает меня, становится впереди и уже злобно тычет своей игрушкой в мой живот.

— Сюда нельзя, ты не понял?

— Чего это вдруг? — прячу руки в карманы джинсов, чтоб не подумали, что это я придушил этого несчастного.

— Того. Пшел отсюда! — идиот пытается пнуть меня, но нога тут же вылетает из сустава. Сам виноват. Нечего махать тут.

Пацан стонет и кочевряжится по полу, привлекая внимание всех. Особенно Дадо и его спутницы. Перешагиваю через кузнечика и наваливаюсь грудью на барную стойку.

— Марьясы! — киваю бармену и тот пулей тянется за нужной бутылкой.

— Я не понял! — Дадю, покачиваясь, срывается с места, и глаза его наливаются кровью.

— Мась, не надо! Ну брось его! — девица кладет красивые руки на плечи носатого гада, уговаривая его вернуться.

— Ты плохо понял? — не унимается Дадю и смахивает со стойки стопку с марьясой, что бармен приготовил для меня.

Молча наблюдаю, как малиновая жидкость растекается по полу, на котором все еще бьется тот несчастный.

— Вали отсюда! Понял? — пыжится он, выставляя волосатую грудь колесом.

— Ну Мась! — вмешивается девушка, за что получает оплеуху и улетает лицом в каменную столешницу.

Ну и я не выдерживаю.

Прикладываю Дадю мордой ко столу и давлю с такой силой, что его мозги вот-вот вытекут. Вовремя останавливаюсь, понимая, что эта тварь нужна мне живой.

Перевожу взгляд на девчонку, которая вполне осознанно пялится на меня, и клянусь, вижу в ее глазах желание мне содохнуть с первой же упавшей звездой.

— Ты как? — протягиваю руку к ее лицу, чтобы снять боль от ушиба. Хотя, кому я вру! Я могу снять боль, не прикасаясь. Меня почему-то как бездна тянет ее белая кожа.

— Да пошел ты! — шипит она и не по-девичьи толкает меня в грудь.

Изнутри прошибает током. Тело плавится, будто стою в середине костра и не могу сдвинуться с места. Вижу перед глазами черный всполох, а потом наблюдаю, как по коже растекаются радужные узоры.

Будто по голове получаю от осознания того, что сейчас происходит. Я встретил свое солнце!

Я! Встретил! Солнце!

— Мутант, чертов! — фыркает абсолютно трезвая девица и быстро исчезает в толпе танцующих.

А я не могу разорваться: то ли на ее удаляющуюся фигурку смотреть, то ли на появившееся сияние. Мне хочется убедиться, что это все не сон. Что то, чего я ждал сотню лет, действительно произошло. И, судя по обстоятельствам, понять, радоваться мне или плакать.

Внезапная прохлада трогает кожу, и я впервые в жизни чувствую панику. Необычное яркое сияние начинает угасать, и через секунду остается только привычный черный блеск, но и он исчезает. Словно не было ничего! Совсем!

Снимаю очки и пытаюсь поймать отражение глаз – вижу свою обычную радужку, черную со стальным ободком. Будто приснилось все. Бездна!

Ноги сами несут за той, что стала моим солнцем, но далеко уйти не успеваю. Дадо очнулся, и подмога в деле. Я вообще за ним сюда пришел. Что ж, моя странная солнечная девочка. Я найду тебя. Не убегай далеко.

Устраиваю сбой в главном распределителе питания. От-

сталые люди – до сих пор пользоваться платной энергией, когда ее можно брать буквально из воздуха. Хотя...кто-то делает на этом немалые деньги. Несколько секунд достаточно, чтобы ввергнуть народ в подобие паники, а самому исчезнуть.

Люди Дадо – примитивные псы, можно не бояться, что меня вычислят. А ему я все же подтер память легким сотрясением мозга. Да вообще, он был не в том состоянии, чтобы анализировать мои внезапные изменения в теле. Да и что говорить о Дадо, если я сам растерялся. Считай, главное событие всей моей жизни, а я...

Иду черным ходом, дальше через морозильные камеры. Запахи несвежего мяса, свернувшейся крови вынуждают задержать дыхание, и злость распирает. Я хочу вдыхать аромат своей женщины, а не вонь мертвечины.

Вышибаю дверь, оказываюсь в темном переулке и тяну носом пыльный воздух. Кажется, что где-то витает ЕЕ запах, но, если я поддамся инстинкту, дело прогорит. Оно и так чуть не сорвалось из-за моей несдержанности. А я не могу допустить еще одной ошибки. Зато теперь ясно, отчего меня так тянуло к девушке.

Обхожу здание, активирую режим невидимки и лезу наверх. Кирпичи еще хранят тепло солнца, а я задумываюсь над тем, что свое солнце могу потерять и тогда... Не станет еще одного хранителя. А сына, даже от названной жены, у меня нет. Силу передать некому. Так что, милая беглянка,

хочешь не хочешь, а мир спасти тебе придется, родив мне сына. А лучше двух. А потом и дочек...

Что-то я размечтался.

Замираю у балкона гостиной Дадо. Обиженные появлением наглого землянина парни всасывают ядреное пойло и строят планы мести, сплевывая на проходящих внизу людей. Что ж, если меня приняли за землянина, значит я не зря надевал эту жутко неудобную одежду.

По узкому парапету иду к окну спальни «отца мафии» и чуть не срываюсь. На ткани пуловера вижу маленькое пятнышко крови, и оно как луч надежды заставляет сердце встрепенуться. Сразу думаю о том, что отправлю вещь на Ардос, чтобы Мила изучила кровь. Это значительно упростит поиск моего солнца.

— Найди мне этого щенка! — вопит Дадо, стреляя в ноги одному из своих шакалов. Даже не сомневаюсь, что речь идет обо мне, — а ты, бездарь, пригласи Крака, пусть доложит, что там по нашему делу.

А вот это уже интересно. Наконец-то обиженные мальчишки перестали наматывать сопли на кулак и приступают к реальным бандитским делишкам. Решаю подождать с комфортом. Меня все равно не видно, поэтому сажусь на подоконник открытого окна и наблюдаю, как Дадо смывает из-под носа потеки крови. Мало я тебя, тварь, припечатал.

— Пока нечем вас порадовать, господин, — мямлит Крак. Надо же, эта мразь часом ранее издевалась над службой

охраны, отбивая им пальцы, а тут притих, в червя превратился.

— Конкретнее!

— Из старых хранителей остались только трое неотработанных. Сыновей их мы грохнули. А им самим недолго осталось.

— Ну так надо им помочь! Мне тебя учить что ли?

— Сам умею.

— Так приступай. Из-за твоей неспешности столько бабок теряем, — Дадо явно теряет интерес к разговору и прикладывает белоснежный платок к ноздре, чтобы остановить кровь.

— Там это... — мнетя Крак, протирая стоптанным каблуком пыльного казака уголок ковра.

Дадо поднимает убийственный взгляд, обещающий долгую мучительную смерть за плохие новости.

— Исчезли они.

Дадо замирает, а меня не покидает ощущение, что за секунды в нем скапливается ядерный заряд, и старый кусок дерьма вот-вот взорвется.

— Что он сейчас сказал? — Дадо обращается к охране, но те не решаются повторить. Стоят, как языки проглотили. — Что. Ты. Сказал.

— Исчезли... — еще более нерешительно говорит Крак, втягивая голову в плечи.

— Значит сейчас, когда мои люди ждут отмашку, чтобы

запустить климусы* и начать собирать бабки, ты мне вот так просто сообщаем, что хранители исчезли?

Последние слова Дадо проливают свет на причины того, что планеты оказались на грани краха. И план дальнейших действий рождается сам собой.

Слушать дальше не имеет смысла. Спускаюсь вниз, чтобы добраться до космопорта и скорее связаться с Валаром – молодым хранителем Астилии, совсем недавно получившим свою силу от отца.

Хоть он и импульсивный, но до смерти преданный и надежный. Как любой из нас. Валар должен был попасть на Хокму, чтобы найти подельников Дадо, которых по случайности задержал патруль, и выведать уже у них все, что те знают по делу хранителей. В том, что выгорит, сомнений не было. Дюжина бирюзовых камней разговорит кого угодно, да и за свободу можно открыть пару тайн сумасшедшего Дадо.

Сажусь в общественный катер, и пока мобус ищет связь, смотрю на пятно, оставленное моим солнцем. Это все, что мне осталось от нее. И почему мое тело отреагировало на солнце так странно? Придется разобраться. Еще никогда я не слышал, чтобы метки исчезали.

— Ир! У меня такие новости! Не поверишь!

Голос Валара, звучащий из динамика, взрывает тишину, заставляя полусонный народ вокруг подпрыгнуть на местах. Жестом прошу прощения, надвигаю шапку до бровей и иду в конец салона, где пассажиры уже спят.

— Нашел банду Дадю? — говорю тихо, хоть и уверен, что манурского здесь никто не знает.

— Нашел свое солнце! — восторгается он, заставляя проснуться хвостовую часть катера.

Не может такого быть...

Или сегодня судьба щедра на подарки и отправила каждому хранителю по женщине, или...мы с Валаром выбрали одно солнце...

Миллиарды лет назад Древнее Солнце, наш праотец и наш Создатель столкнулся в схватке с Великой Тьмой. Она решила, что главнее в этом мире, и стала стягивать силы Вселенной к себе, нарушая первозданную гармонию. Но сила Солнца бесконечна. Оно смогло победить в схватке со злом, и чтобы впредь контролировать Тьму, распалось на многие миллионы атомов и разлетелось во все концы Вселенной. С тех пор каждая душа носит в себе частичку Древнего Добра и Любви и жизнь за жизнью ищет родные атомы, чтобы собраться вместе и зажечься маленьким светилем. Сегодня я нашел свое солнце, вот только светило внутри меня потухло. И теперь мне не терпится поскорее прояснить причины такой необычной реакции моего тела.

Вместе со должностью хранителя планеты Ману-р мне досталась настолько мощная сила, что ее просто необходимо постоянно держать под контролем. Эта концентрация не оставляет места эмоциям, но сегодня я бью свои рекорды. Находясь в баре, я должен был не только держать при се-

бе силу, но и глушить ее, чтобы не оказаться обнаруженным. И даже встретив солнце, я сумел сохранить инкогнито. Так может, поэтому сияющая метка исчезла? Может, я смог управлять силой притяжения солнц? Иных объяснений этой странности у меня нет.

Хотя, есть. Я спятил, и все произошедшее мне просто при-
виделось.

Ненавижу пассажирские катера, медленнее транспорта во
всей Вселенной не найти. Но появившись я здесь на своей ладье,
меня бы сразу вычислили, а этого допустить нельзя.

Когда катер, наконец, приземляется на одном из транзит-
ных спутников, получаю сообщение от Валара. Он уже за-
фрахтовал шаттл и ждет меня, чтобы вернуться домой, в род-
ную галактику.

Поднимаюсь на борт, приветствую молодого хранителя и
сажусь рядом с креслом пилота. Пока взлетаем, рассматри-
ваю глупую улыбку парня, которому неймется обсудить по-
следние события, но он вынужден ждать, когда приборы свя-
зи с центром управления полетов отключатся, и нас не смо-
гут прослушать.

Как только вырываемся за пределы орбиты, Валар пере-
водит шаттл в режим автопилотирования, подрывается с ме-
ста и срывает с себя кофту.

— Смотри! Смотри! — подставляет мне спину, а сам во-
вот свернет шею, заглядывая назад, — где? Какого цвета?

Лицо кривится само собой: брови ползут вверх, а губы скептически поджимаются. Кажется, парнишку ждет тот же облом, что и меня.

— Никакого, — монотонно отвечаю, отодвигая его в сторону. Подальше от моего лица.

— Не понял? Сложно сказать? Здесь зеркала нет!

Снимаю солнцезащитные очки и раздраженно впечатываю их в стальные мышцы спины этого молодого верзилы. Наконец, можно не сдерживать силы, боясь распугать народ.

Тот мгновенно перехватывает очки и пытается заглянуть через плечо, ловя отражение. Пыхтит, злится, но надежды не теряет.

— Нет там ничего! — цежу сквозь зубы.

— Не может быть! — Валар не верит и продолжает раздражать своими безрезультатными попытками.

— Ну-ну.

Отстегиваю ремни и поднимаюсь с места, чтобы выпить воды. Одним глазом наблюдаю, как его надежда испаряется.

Опираюсь на столик, скрещиваю ноги, руки и жду, когда до него, наконец, дойдет.

— Кто она?

Кажется, мой вопрос отвлекает его от бессмысленного занятия, и пареньь сникает за секунду.

— Землянка.

— Землянка... — повторяю вслед за ним. Моя тоже землянка.

— Красивая такая, боевая девчонка! Знаешь, как всадила мне по челюсти?! — Валар расплывается в восхищенной улыбке, но быстро гаснет.

Моя тоже боевая. По прессу мне заехала совсем не по-девичьи. Я очень удивился.

— Светлые прямые волосы до плеч? Красное платье? Туфли на невообразимой подошве... — описываю наше солнце и наблюдаю за реакцией. С каждой приметой глаза Валара увеличиваются, а рот приоткрывается, — рана на ладони и ушиб справа на скуле.

— Откуда ты...

Срываю с себя пуловер и раскидываю руки в сторону. Оборачиваюсь вокруг, демонстрируя, что на мне тоже ни следа, и останавливаюсь лицом к Валару.

— Я тоже встретил свое солнце, друг мой. Но на мне так же не осталось и следа от этой встречи.

Не дожидаясь, когда парень отойдет от шока, возвращаюсь в кресло. Тот плетется следом и, наконец, поднимает на меня осмысленный взгляд.

— Так она НАША?

— Наша... — горестно выдыхаю и таращусь на приборную панель.

Валар с минуту сидит и переваривает информацию. Странно. Думал, что он кинется на меня тот час же, но это происходит с задержкой.

Ловлю его кулак у своей челюсти и сжимаю в ладони до

хруста.

— Даже не думай!

— Традиции! — усмехается молодой Хранитель, и поединок начинается.

Титановые кресла складываются вдвое. Суперпрочная обшивка сминается, точно тонкий лист фольги. Как мы не пробиваем корпус шаттла и не вылетаем в открытый космос, одному Создателю известно. Но я даю шанс молодому хранителю показать свою силу, не сдерживаю его и не нападаю. Пусть поиграет в старшего самца, все же всегда есть шанс победить того, ко сильнее. Но не сегодня, Валар.

Когда парень изрядно выдыхается, делаю захват и обездвиживаю. В поединке за звание старшего мужа можно бороться, используя только лишь физическую силу, хотя я не прочь был решить этот вопрос более мирным путем. Если бы Валар сразу бы согласился со вторым местом, конечно. Но пришлось отстоять свое право быть первым. Правда, имело ли сие действие смысл, пока не понятно. Нашего солнца рядом нет, а метки, означающие, что солнце нашлось, исчезли.

— Вот мы с тобой набили морды друг другу, брат, выяснили, кто из нас первый муж, а меток-то нет. И солнца нашего нет. Не кажется ли тебе, что мы что-то упустили?

Валар остывает и немного расслабляется.

— Кажется. Но я уверен, что Зима наша!

— Кто?

— Зима! Ты что, даже имени ее не спросил? — ерничает

он, — тоже мне, первый муж.

— Так ты признаешь?

— Признаю.

Отпускаю хранителя, ставшего в одночасье моей семьей. Правда, в пору назвать нас мужьями-одиночками — жены-то нет!

Валар вправляет челюсть, встряхивает руками, и глупейшая улыбка освещает тот погром, что мы учинили за несколько минут.

— Зима ее зовут. С подругой на дело прилетали. При мне особо не распространялись, но я понял, что девчонки на службе.

— Как понял?

— Их корабль дипмиссии забрал. А еще...

Эта сволочь скалится, радуясь, что владеет большим количеством информации, чем я. Ну хоть в чем-то меня уделал!

— Так это ты с ними на Хокму попал?

— Ага! — довольно щерится, — на крыше их увидел. Услышал, что на Хокму летят, ну и увязался. И не зря!

— Так вот зачем она с Дадю терлась весь вечер! — понимание приходит мгновенно. А за ним и облегчение: не шлюха.

— Думаешь, разведка?

— Похоже. Видимо, по бирюзе дело раскручивают.

— Да, этот крысеныш контролирует все денежные сферы.

Ты, кстати, узнал что-нибудь?

— Узнал.

Делимся информацией по делу хранителей, но сосредоточиться не получается. В голове у обоих только лишь мысли о нашей землянке.

— Ты понимаешь, что мы не имеем права забросить начатое? Жизнь планет в опасности, пока эта тварь претворяет свои планы в жизнь! Сколько миров уже потеряли своих хранителей! И он не собирается останавливаться. Ему нужны еще трое. Слава богам, они вовремя смогли спрятаться.

— Неужели их сил не хватит противостоять?

Валар возмущен, но его гнев справедлив. Хранители обладают немислимой силой той планеты, которую берегут. Их жизнь — гарант процветания целого мира, миллионов людей, живущих в нем. Старея, хранитель уже не может пропускать через себя ту силу и передает ее сыну, а сам продолжает жить жизнью обычного мирянина.

— Слишком стары. А сыновья убиты. Дадо все просчитал. Пользуясь тем, что хранители разных галактик не поддерживают связь, он решил действовать точно. Так, чтобы никто не заметил связи в происходящих событиях. Он обрек на смерть миллиарды жизней. Благодаря установке климусов, Дадо собирается взимать дань с жителей планет, оставшихся без хранителя, иначе, им грозит катастрофа.

— Но мы распознали схему! Привлечем других хранителей, уверен, что они помогут!

— Вот этим и займемся!

— Нет! Сначала разыщем ее! Ну подумай, какой с нас будет толк, если мы сдохнем? Нам даже силу передать некому! Мы должны найти нашу женщину и заставить нас полюбить!

Валар был прав. Стать отверженным, считалось самым жутким проклятием в нашем мире и всегда заканчивалось мучительной смертью. Но заставлять любить...

— Ух ты какой резвый! Мало в челюсть получил от нашей женщины? Заставить! Ха! — поражаюсь его самоуверенности.

— А что такого?

— Нельзя заставить полюбить женщину.

— Но ей придется! Или мы все погибнем.

— Ну, дорогой друг, тут уж снова все зависит от нас.

— Да нет у нас времени на все эти...

Качаю головой, глядя на взбалмошного представителя нового поколения, и чувствую себя стариком.

— Ладно. Кое в чем ты прав, — хвалю Валара, жестом приглашая присесть рядом. Правда, от кресла осталась лишь покореженная груда титановых трубок, — мы должны увидеться с ней как можно быстрее. Во-первых, проверить, что с метками, а во-вторых...

— Влюбить ее в нас!

Подкатываю глаза. Он неисправим.

3. Какая встреча!

Земля

Зима

Выходные проходят в обычном режиме: я старательно пытаюсь отвлечься от боли поеданием вредных продуктов, битьем головой о стену, ледяной ванной и немного работой.

Дадо наконец «переварил» жучок и информация о планах его группы больше не поступает. Обработываю то, что успели записать, и строю коварные планы против Рыжова. Ненавижу, когда меня принуждают. А этот гад еще и шантажировать увольнением вздумал, что усугубляет его положение. Я по природе своей человек миролюбивый, но, если меня зацепить... Как говорится, сами напросились.

Ясно, что во вторник эта тварь станет принуждать меня к интиму. Записать наши беседы без вариантов – при нем глушилка, создающая помехи. Уговоры и объяснения, что в цивилизованном мире так дела не делаются, в его случае бесполезны. Поэтому, пока остается только сопротивление. А там, глядишь, и до Барсика доберусь. И уж ему мне будет, что сказать!

Было бы идеально, если бы инопланетники прилетели в главное управление, и меня вызвали бы в качестве переводчика. Там бы я нашла минуточку, чтобы добраться до гене-

рала, донести до него всю важность своей работы и попросить о переводе. Но к прибытию таких гостей готовятся заранее, а здесь тишина. Странно. Очень странно.

Решаю позвонить ребятам из пресс-центра. Кто-кто, а они точно в курсе всех событий.

— Макс, привет! Это Зима, — зажмуриваюсь, вспоминая, что обещала набрать его еще месяц назад. Парень приглашал меня в кино, а я не нашла лучшего способа от него отвязаться, и сказала, что перезвоню.

— Привет, Алис! Рад, что вспомнила, — по голосу слышу, что парень рад, и выдыхаю. Во всяком случае не придется выслушивать претензии о том, что я его динамила. Хотя, по сути так и есть.

— Да... ммм... работы много. Сам знаешь, — оправдываюсь я, чувствуя, как это глупо выглядит.

— Знаю. Ты на кино созрела? Или опять по делу?

— Ну, если честно, по делу.

В трубке тишина. Прикрываю лицо рукой и жду, что парень сейчас меня пошлет куда-подальше, но он молчит.

— Там инопланетники прилетают... вроде, — робко начинаю я, пытаюсь понять, готов ли он продолжать.

— Да, слышал.

— Только слышал? То есть, вы не освещаете?

— Приказа не было.

— Визит тайный?

— Да нет. Но и не афишируется.

— А чего хотят?

— А кто их знает! Личные дела поднимали, медкарты запрашивали. Но толком никто и ничего. Уже неделю суета.

— Неделю? Мне Рыжов в пятницу сообщил.

— Ну ты была б к народу ближе... — в его голосе слышится явный укор.

— Макс, спасибо! — спешу закончить, потому что парень прав. Я сама ни с кем не общаюсь. Разве что с Рисккой, и то чаще в командировках.

— Алис! — смущенно зовет меня по имени, а я подкапываю глаза. Черт! Опять придется врать и кормить парня завтраками, — может, ты в театр хочешь? На балет там? Не знаю... или на мастер-класс по макраме? А я тебя в кино тащу...

Закрываю глаза, понимая, что я должна решиться сделать одно из двух: либо объяснить парню, что «кина не будет» либо согласиться на свидание. И здравый смысл говорит мне, что следует выбрать второе. Ну хотя бы потому что мне без разницы, где мучиться от боли, а на свидании попытаюсь отвлечься. Ну и Макс может понять, что я ему не подхожу, и перестанет питать напрасные надежды.

— Макс, я приглашаю тебя в тир! — решительно выдаю я, пока не передумала, а на том конце тишина. Может, пацан и правда на макраме хотел? — Але?

— Да-да, я на связи. Просто так неожиданно...

Да уж. От себя я такого точно не ожидала.

— Когда?

— А давай завтра. Сразу после работы. Идет?

— Идет!

Кладу трубку, стараясь не анализировать то, что сейчас сделала. Свидание с симпатичным парнем в тире не худшее, что может случиться в понедельник вечером.

Пятая кружка дрянного кофе из автомата все же убеждает в том, что это не поможет, и я перехожу на тяжелую артиллерию – энергетик. Стоит услышать приятный уху «пшшшшш», как двери моего кабинета распахиваются, и я, шипя подобно напитку, прячу баночку за пустую вазу.

— Капитан Винтер! Майор Рыжов вызывает.

Перевожу взгляд на окно и вздыхаю. И чего ему неймется, майору этому? Суетился бы как все, значки да медальки полировал к приезду гостей, нет меня дергать надо.

Пока ворчу, до меня доходит, что сегодня и есть тот день, когда прибывают инопланетники. А я успела об этом забыть. Да...с моей головной болью и имя свое забудешь. Рассеянная стала, просто ужас!

— По какому вопросу? Переводчик нужен? — с надеждой скрещиваю пальчики. Если удастся прорваться к Барсику, этот понедельник станет лучшим в моей жизни!

— Не могу знать! Но Рыжов «оттуда» только что вернулся, — шепчет сержант, — злой как черт. Если что, я тебе этого не говорил.

Дожидаюсь, когда посыльный покажет затылок, залпом

выдуваю половину баночки энергетика и морщусь. От апельсинового вкуса и газов щиплет в носу.

— Иду...

Сержант, сопровождающий меня, отстает на шаг. Чувствую, что на задницу мою пялится. Но стоит подняться на этаж руководства, парень обгоняет, возвращает лицу отрешенно-туповатое выражение и, постучав два раза, открывает передо мной дверь кабинета.

— Вызывали? — захожу с кислой миной, но у Рыжова почти такая же.

— Вызывал. Ты выйди! — небрежно машет сержанту, а меня подзывает ко столу, — не знаю, что ты задумала, Зима...

Он медленно поднимается с места, опираясь растопыренными напряженными пальцами о полированную столешницу, и в этом чувствуется угроза. Делаю шаг назад, но он резко, перекинувшись через стол, хватает меня своей пятерней и за шею притягивает к себе.

Чувствую, как в голову ударяет кровь и с гулким шумом стекает вниз по венам. Стою в этой унижительной позе, а мышцы колет иголками. Тело дрожит, будто неведомая сила хочет прорваться и разорвать на куски этого козла. Но я понимаю, что не справлюсь с ним. Он мужчина и точно сильнее меня. Кинусь — только хуже сделаю.

Поджимаю губы, кусаю их изнутри и стараюсь не дышать. Я отомщу. Обязательно отомщу этому подонку.

— Тебя вызывают в главное управление, — рычит прямо мне в лицо, — Барычев хочет видеть тебя лично. Есть идеи зачем?

Про себя радуюсь и теперь уже пытаюсь сдержать не слезы, а злорадную улыбку. Бог услышал мои молитвы!

— Переводчик нужен? — смело смотрю в блеклые глаза, излучающие гнев и жажду власти.

— Не нужен им переводчик! — выплевывает мой начальник и резко отпускает.

Отшатываюсь от этого злого пса и гордо поправляю волосы.

— Не дай бог, ты там ляпнешь лишнего, тебе ясно? — тычет в меня пальцем, продолжая скалить зубы.

— Вы о вашем предложении подумать до вторника?

Рыжов хватает со стола наградной кубок и замахивается в мою сторону, но я успеваю отскочить.

— Помни, благодаря кому ты здесь! И кто тебя отмазал от следствия на Хокме, неблагодарная тварь.

— Угу, — бросаюсь на дверную ручку, чтобы скорее смыться отсюда, пока этот псих не покалечил меня.

— Кстати, о твоём провале генерал в курсе. Пришлось доложить, — кричит вдогонку, но я уже несусь по коридору.

Спускаюсь на стоянку служебного транспорта, а радости почему-то не чувствую. В голове только одно: зачем я Барсику, если переводчик не нужен? Неужели сам додумался меня в главк перевести? Или...уволит к черту после срыва дела

Дадю.

— Ожидайте, за вами приедут, — лениво сообщает диспетчер, который распределяет транспорт, и одаривает косым взглядом.

— В смысле приедут? На стоянке полно свободных машин, водители тоже... в телефонах сидят, — чуть не ляпнула: «ни хрена не делают».

— Распоряжение генерала Барычева! Ожидайте!

Посланная, решаю обсудить все это с Рискюй. Звоню ей, и договариваемся встретиться в столовой. Но на полпути получаю от нее сообщение, что ей срочно нужно уехать. Что ж, все равно пойду, съем чего-нибудь сладкого.

Пока жду водителя, то и дело слышу разговоры о прибывших гостях: в холле, в столовой, у кофейного аппарата. Все такие возбужденные, будто мессия с неба сошел. В командировки чаще летать надо, чтоб на людей с других планет не кидаться. Тоже мне, событие!

Доедаю ванильный пудинг и прислоняюсь лбом к холодному стеклу, чтобы хоть немного унять жжение, которое осталось в голове после встречи с Рыжовым. Но ни сладкое, ни холодное не помогает успокоиться.

— Алис!

Чья-то рука ложится на плечо. Оборачиваюсь и вижу Макса.

— Ты ок?

— Ок! — стараясь держаться, не показывая отвратитель-

ного самочувствия и настроения.

— Голова болит? — он искренне старается помочь и придвигает мне стул.

— Да так. Шумно очень, — присаживаюсь, а сама поглядываю в окно — жду, когда за мной приедут.

— Ну да. Все обсуждают инопланетников, — хмыкает Макс, — в главке с утра видел их.

— Ну и как там эти...инопланетники наши? — пытаюсь поддержать беседу, хотя самой фиолетово.

— Да обычные, — пожимает плечами он.

— Что, даже пушками световыми тебя не впечатлили?

— Де без оружия они, — опять пожимает плечами.

— Вот прям ничего особенного?

— Ну здоровые такие!

— Понятно, — видимо, Макс тоже не любитель «экзотики», хотя журналист. Если бы было, за что зацепиться, уже статью накатал бы! — Меня зачем-то вызывают... По-нашему не болтают ребята?

— Болтают! Еще как болтают! — Макс подозрительно щурит глаза, — и читают! Они медкарты сотрудников просили принести сначала, изучали долго, потом несколько дел отложили, и вот ...

Очень интересно! И ничего не понятно. И все же! Меня к Барычеву по какому поводу вызвали? Где уже этот водитель?!

— Алис? — Макс робко касается кончиков моих пальцев,

пытаюсь привлечь внимание, — по вечеру... все в силе?

Под окнами коротким воем взрывается сирена, и во двор заруливают три внедорожника с синими маячками. В столовой становится тихо, потому что Барычева не ждали, а именно он ездит в этом кортеже.

— Капитан Винтер? — ко мне подходит учтивый парень в гражданском, а я не понимаю, как все это расценивать, — прошу вас.

Лица присутствующих вытягиваются. Мое, впрочем, тоже.

— В силе, — без энтузиазма, наконец, отвечаю Макс и поднимаюсь с места.

Ой, что-то не нравится мне все это!

Под едкие шепотки коллег иду к машине. Мне открывают двери, интересуются, не жарко ли мне и какую музыку я предпочитаю, предлагают воды и даже чего покрепче, а я все это время сижу с открытым ртом, не в силах собрать мысли в кучу. Только одна более явно пульсирует среди всех: «Если и Барсик решил за мной приударить, то моей карьере точно конец.»

Откидываю голову назад, прикрываю глаза и прикладываю к вискам с двух сторон бутылочки с ледяной газировкой. Ну, а может стоит поступиться со своими принципами, если на кону нормальная жизнь без боли? Стать любовницей старого женатого генерала в обмен на лечение в госпитале? Смогу ли я?

С одной стороны, я так устала, что иногда кажется, что ради избавления от этого кошмара, я готова вообще на все! А с другой...смогу ли я после всего этого жить нормально, не гнобя себя за то, что продалась?

— Прибыли! — объявляет улыбчивый водитель, и охранник открывает дверь снаружи, приглашая меня выйти.

Ступаю на мокрый асфальт и набираю полную грудь воздуха. Я должна собраться и быть готовой ко всему!

От машины до входа всего несколько шагов, но я успеваю почувствовать на себе чей-то взгляд, пробирающий до мурашек. Передергиваю плечами и, стараясь не думать о плохом, вхожу внутрь.

Меня провожают четверо: двое в гражданском и двое наших, из ведомства. Ни пропуска, ни документов никто не требует, потому что здесь вообще нет никого. Будто вымерли. Поднимаемся на этаж высшего руководства, и мандраж возвращается. Сжимаю челюсти, чтоб в этой гробовой тишине, к звуку наших шагов не добавилось клцанье моих зубов.

У приемной парни-проводятые останавливаются, пропуская меня вперед. Краем глаза вижу, что они облегченно выдыхают и даже вытирают пот со лба. Прохожу мимо секретаря. Женщина бледная, обмахивается газетой, а на столе замечаю сердечные капли. Неужели страшные такие инопланетники эти?

— Можно? — говорю одними губами, и та только кивает, указывая рукой на дверь в кабинет. Почему-то кажется,

что она сейчас меня перекрестит, будто я в последний путь собралась.

Ну что ж...

Подхожу к массивной двери.

Прочищаю горло, одергиваю форму, выдыхаю.

Перед смертью не надышишься, Зима. Так что давай, до-рогуша, вперед, к светлому будущему!

Берусь за ручку, дергаю дверь на себя, делаю шаг и...

Два огромных плечистых красавца в кожаных штанах, в широких портупях и с очень экзотическими прическами из длинных волос, стоят ко мне спинами, соблазняя своими упругими задницами и прокаченными мышцами.

То, что я вижу, просто вышибает мозги. Взрывает их на части и заставляет покраснеть, закрыть глаза и сбежать отсюда куда подальше. Но маленькие ладошки секретарши толкают меня внутрь, и дверь захлопывается.

Чувствую себя так, будто меня застали за подглядыванием, отворачиваю голову в сторону, стараясь не пялиться на мужчин.

Нет, я, конечно, все понимаю. Молодые любовницы, там...эскорт, но стриптизеры в рабочем кабинете! По-моему, это уже слишком! И при чем здесь вообще я?

— И-извините, я, наверное, позже зайду... — пытаюсь нащупать ручку, чтоб удрать.

— Нет-нет, капитан Винтер, оставайтесь! — голова Барычева выглядывает из-за спин парней, а потом выплывает и он

сам, — знакомьтесь капитан. Это наши коллеги с далекой планеты Ману-р.

— Что? — вырывается само.

Двое полуголых мужчин медленно оборачиваются, а мне кажется, что время остановилось. Не дышу, и только сердце...

Бум...

Бум...

Бум...

Внезапно становится легче. Словно кто-то отключил невидимую установку, создающую силовые поля.

Начинаю дышать глубже и осмеливаюсь поднять взгляд на этих...МММ...коллег.

— Ты как? — говорит на саланском мне Мистер Облом, повторяя фразу, сказанную им у бара.

— Полундра! — на чистом русском шепчет второй, глотая ехидную улыбочку.

— Бляяяя,— думаю я, краснея и опуская глаза.

Чувствую себя бабочкой, пришпиленной к стене булава-кой. Эти двое даже не скрывают своего интереса к моей пер-соне и явно чего-то от меня хотят. Пытаюсь собрать в кучу всю имеющуюся о них информацию из своих воспоминаний и соотнести с тем, что эти парни оказались «из наших», и в принципе все сходится. Они, так же, как и я, могли охо-титься на Додо, потому что эта тварь наследила на всех на-правлениях ближайших галактик. Но мне-то зачем было де-

ло портить? Или они извиниться прилетели? Ха. С трудом в это верится.

— Алиса, я наслышан о твоей работе. Давно надо было познакомиться с тобой лично, да все как-то не время было.

Барычев пытается быть любезным, но явно нервничает. Платок, которым он промокивает лоб, уже пропитан потом, щеки пунцовые, а пальцы дрожат. Он выходит вперед и становится между мной и инопланетниками полубоком, чтобы наблюдать за ними краем глаза. Я отмечаю их высокий рост по сравнению с генералом. Действительно громадные. Там, на Красном фонаре, я – сто восемьдесят, была на каблуках – плюс двадцать, и их рост так не пугал, как сейчас. Они были выше, но это не вводило в такой шок, как здесь. Обнаженные мышечные торсы только добавляют страху. Все-таки боязно находиться рядом с такими, поэтому шагаю назад и стараюсь на них особо не смотреть.

— Ты на хорошем счету, — продолжает генерал, — Рыжов отзывался о тебе как об очень ценном сотруднике. Оно и понятно, дослужиться до капитана за такое время... В общем, дураков у нас не держат.

Комплименты его, конечно, так себе, но в целом, Барсик создает приятное впечатление: компетентный, мудрый, даже добрый...

— Спасибо. Только я не совсем понимаю, зачем вы меня вызвали.

— Ну как же зачем... Выразить благодарность и...

Сказать, что меня переводят в главк, подальше от Рыжова? Так ведь? А эти... здесь просто так оказались? Ведь правда же?!

Барсик, будто конференсье, жестом указывает на инопланетников, делает широкий шаг назад и радостно заявляет:

— ...передать тебя нашим коллегам. В эти сильные руки! Чего?

— Теперь это твои руководители!

Чего-чего?

— Прошу любить и жаловать! — Барычев отходит подальше от них и на глазах веселеет. Кажется, он готов маму родную отдать, лишь бы те поскорее свалили.

Мои «руководители» внимательно наблюдают за моей реакцией, и почему-то мне кажется, что все происходящее их забавляет.

— Без любви обойдемся, — огрызаюсь я, бросая на них едкий взгляд.

На это брови одного иронично поднимаются кверху, а во взгляде второго читается «посмотрим».

— Можно конкретнее? В чем будет заключаться моя работа?

— Вы талантливый переводчик, капитан Винтер, — говорит тот, что устроил драку в баре, и становится в шаг от меня. Чувствую, как электризуется кожа, и кровь в буквальном смысле слова закипает. Становится жарко, изнутри начинает донимать зуд, смешанный с трепетной негой. С трудом сдер-

живаюсь, чтоб не расстегнуть верхние пуговицы кителя.

— А на Ману-ре переводчиков нет? — с опаской поднимаю глаза и смотрю на мужественное лицо. Грубые, немного резкие черты в целом смотрятся красиво, а глубокий взгляд темных глаз завораживает сиянием, которое я, кажется, вижу на самом дне.

— Таких талантливых как вы, нет, — внезапно он отходит, а меня обдает холодом и становится легче дышать. Вот уж не думала, что на меня может так воздействовать близкое присутствие красивого мужчины.

— Ознакомься, подпиши, — Барычев сует мне в руки бумагу и нетерпеливо топает ногой.

Пробегаюсь глазами по тексту. Суть нашей общей работы оказывается в отслеживании трафика гонарской бирюзы и поэтапного ареста всех участников схемы. Ничего нового, разве что в деле появляются два инопланетника, к которым попадаю в полное подчинение. И вишенка на торте: невозможность моего отказа, так как я в курсе материалов дела и обязана довести его до конца, иначе...тюрьма. Идеально!

— Мы заинтересованы в том, чтобы в расследовании участвовал представитель Землян, поэтому, ты должна сделать все возможное, чтобы поймать Дадо за яй...кхм...хвост.

Считаю, что просто обязана сообщить Барычеву о том, что с этими «коллегами» уже успела сходить на дело. И из-за них все пошло по...тому самому женскому половому ор-

гану. Но мне не дают и рта открыть.

— Но это они... — начинаю я, и мне кажется, что меня сбивает мощным потоком воздуха. Я даже теряю равновесие, но быстро успеваю ухватиться за краешек стола Генерала.

— Вы что-то хотели сказать, капитан Винтер?

Оправляю китель и хочу продолжить, но стоит открыть рот, как просто захлебываюсь воздухом. Какого инопланетного фаллоса происходит?!

Впиваюсь взглядом в новых начальников и по глазам читаю, чтоб молчала.

Вот это, Зима ты встряла! Уж не знаю, что лучше: Рыжов или эти. Но выбора у меня нет.

— Они могут хотя бы одеться? — гневно кошусь на узоры, выжженные на черной коже портупей. Красивые, и, кажется, это текст.

— Это их униформа, — видимо, Барычев принимает мой вопрос за согласие, сует ручку для подписи, а после того, как ставлю злобный росчерк, буквально выталкивает нас из кабинета. — Привыкнешь. А теперь идите. Желаю удачи, я на связи, — тараторит он, запирая замок на несколько оборотов.

Из-за закрытой двери слышится выдох облегчения, а мне в пору напрячься. В пустом холле приемной я оказываюсь наедине с инопланетными мужчинами.

— Ирим, — представляется первый и протягивает свою руку раскрытой ладонью.

— Сейчас будут фокусы с блестяшками? — скептически поднимаю бровь, пряча руки за спину.

А на его лице появляется мягкая улыбка. Надо же! Он даже так умеет!

— А вот вместе и посмотрим!

Он тянет руку за мою спину, а ощущение, будто обнимает. Находит ладонь и подтягивает к себе. Вижу, как на его коже начинают проявляться радужные узоры, и заворуженно слежу за тем, как они плавно, словно вода, расходятся по телу. По идеальному рельефному обнаженному телу.

Мою руку будто магнитом притягивает. Ирим уже не держит, но и я не хочу убирать. Ощущение покоя и тепла так расслабляют, что напрочь забываю обо всем вокруг, пока второй не берет другую мою руку.

Сразу же чувствую себя пьяной. Очень непривычное ощущение, которое я никогда прежде не испытывала.

— Валар, — на бархат его голоса тело отзывается мурашками и улыбкой.

Теперь слежу за тем, как невидимая кисть оставляет на гладкой коже бронзовые мазки, заодно отмечаю шикарное тело. Эти кубики, вены, мышцы... С ума сойти можно!

— Нравится? — с улыбкой спрашивает Валар.

Он не дерзит, наоборот, мужчина добр и вижу, что оба стараются не напугать меня. А я совершенно не понимаю, как себя с ними вести и как к ним относиться. Как врагов воспринимать или как напарников.

— Необычно, — мне с трудом удастся отнять свои руки, и стоит им разомкнуться, как приятное головокружение проходит, возвращая мозгам ясность.

— А теперь вы мне расскажете, какого черта влезли в мое дело!? — убираю блаженную улыбочку со своего лица, мысленно ругая себя за то, что поддалась их чарам, — или мне все-таки доложить Барычеву?

Коллеги переглядываются, и ироничные ухмылочки возвращаются.

— Это она нам угрожает? — не сводя с меня темных блестящих глаз спрашивает Валар.

— Похоже на то, — пожимает плечами Ирим.

— Люблю темпераментных женщин! — сверкает белыми зубами.

Ирим ничего не отвечает, но явно думает так же.

Понимаю, что от них не добьюсь ничего, и лучшее, что я могу в этой ситуации — это принять все как есть, быстрее разобраться с делом Даво и получить то, ради чего на все это соглашалась. Главное — не влюбиться в кого-нибудь из этих начальничков. И, кажется, это будет самым сложным.

Пытаюсь увеличить расстояние между нами, чтобы окончательно прийти в себя и настроиться на нужный рабочий лад. И неожиданно осознаю, что у меня ничего не болит. Череп не раскалывается, мозг не колет, да и в глазах нет ощущения, что в них заливают кислоту. Прикрываю веки, пытаюсь прислушаться, и... снова ощущение этой безмятежной

тишины.

Вдох облегчения вырывается не зависимо от моей воли, и я улыбаюсь, запрокинув легкую голову назад. Дожила... чтобы существовать нормально, я теперь вынуждена постоянно пребывать в жутчайшем стрессе? Так и кортизоловой наркоманкой стать недолго. Ну а что? Зато от боли избавляет. Что дальше, Зима? Прыжки с парашютом? Выход в открытый космос? Или этих двоих на мою голову будет достаточно, чтобы поддерживать постоянный уровень гормона стресса?

— Ты в порядке? — Ирим явно не понимает такой резкой смены настроения. Согласно, со стороны это может выглядеть пугающе. Но у меня счастье, и я не собираюсь прятать свои эмоции только ради того, чтобы не прослыть девушкой со странностями.

— Более чем! — и решаю закрепить результат своего лечения, высказав то, что так и крутится на языке. — Я здесь не для того, чтобы меня любили за темперамент.

Валар недовольно фыркает. Да, милый! А ты думал я тут стелиться перед тобой буду?

— Я здесь для того, чтобы работать! В моих интересах быстрее закрыть дело Дадю. Но, кажется, у вас другие планы.

— Ты права, — Ирим не спорит. Понимает, что не стоит делать из меня дурочку, и это подкупает.

— И зачем же вам я? — отхожу подальше и скрещаю руки на груди. Все-таки близость инопланетных мужчин

немного напрягает, и мне хочется хоть немного закрыться.

— Будем честными. Нам нужна твоя помощь, — Ирим мягко, но внутри ощущение, будто он в мозгах моих ковыряется.

— Чем я могу помочь? Ни за что не поверю, что вы не смогли разобраться с трафиком бирюзы без землян!

— Трафик гонарской бирюзы нас не интересует. У нас к Дадо свои вопросы. А ты отлично разбираешься в диалектах и понимаешь языки, которые слышишь впервые. Нам может понадобится твоя способность, — Ирим держится спокойно, но нутром чую, что внутри него все кипит. Валар же не так терпелив. По горящему взгляду ясно, что ему сложно держать себя в руках. Только вот чего ему нужно? Что за нервы?!

— Для чего? Я должна знать, на что подписываюсь.

— Ты уже подписалась. Ты с нами, — напирает Валар.

— Черт! — ругаюсь на обстоятельства, которые вынудили пойти на все это.

— Расслабься, — продолжает наступать Валар, — хочешь ты того или нет, но тебе придется улететь с нами. Так что, советую тебе, малышка, спрятать свои коготки, и тогда мы подружмся, — он подходит близко. Так, что еще пара сантиметров и мой нос упрется в его грудь. Но не на ту напал, дорогой! Задираю голову, улыбаюсь и пою елеинным голоском:

— Со своей стороны советую тебе обращаться ко мне по уставу, малыш. И тогда я не отстрелю твои яйца.

Валар считает меня, расплющивает между стеной и своим телом. Ладони уверенно разворачивают лицо, и мужчина впивается в мой рот, вторгается в него языком. Мгновенно теряюсь в пространстве, понимая, что никак не контролирую свое тело. Только машу в воздухе руками, пытаюсь ухватиться хоть за что-нибудь. И мне помогают.

Валар ловит мою руку и заставляет обхватить ладонью очертания его пугающе огромного члена. Там в космосе, я была впечатлена, но теперь, держа эту мощь в пальцах, хочется просто рвано хватать воздух ртом. Но этот демон продолжает изматывать меня глубоким поцелуем, на который я зачем-то начинаю отвечать.

Возбуждение захватывает против воли. Надо было быть фригидной льдиной, чтобы не отреагировать на этого наглого самца, на его сексуальный запах, на умелый поцелуй.

«Соберись, тряпка! Нельзя позволять так с собой обращаться», — мысленно пытаюсь воззвать себя к благоразумию и даже предпринимаю неудачную попытку вырваться из медвежьих лап. Но Валар отпускает лишь тогда, когда сам этого хочет.

Отрывается от губ, продолжая облизывать их взглядом, а после снова целует. Только коротко. Будто ставит точку в споре о том, кто из нас двоих сильнее. Гад!

— Решил указать цель? — я одергиваю руку от паха и скалюсь, недовольная тем, что ладонь продолжает чувствовать его, — я в курсе, где у мужчин мошонка!

Вижу в глазах напротив вспышку. Кажется, я только еще больше раздраконила его.

— Тише. Тише!

Ирим жестким резким движением отстраняет от меня взбудораженного напарника. А я сама дышу как дракон, разве что огонь из ноздрей не валит.

— Извини его. Мы немного разные, поэтому между нами поначалу может возникнуть недопонимание. Предлагаю решать все вопросы мирным путем.

Валар пытается занять прежнее место рядом со мной, но Ирим еще жестче отталкивает его, и тот, как ни странно, останавливается.

— Тогда пусть он не приближается ко мне! — пальцем указываю на слетевшего с катушек начальничка.

— Договорились, — соглашается Ирим, из последних сил сохраняя спокойствие.

— Не понял, — снова вспыхивает Валар.

— Я объясню тебе, — Ирим жестко бьет пятерней в грудь напарника, припечатывая его к стене, — а ты, милая, пока можешь идти, — оборачивается ко мне, пытаясь выглядеть спокойным и даже улыбаться, — завтра утром мы улетаем. Возьми только самое необходимое. Ладно?

— Ладно... — без вдохновения соглашаюсь я. Хотя бы этот нормальный.

Настроение испорчено напрочь, внутри все кипит. Сказать, что я возмущена, значит не сказать ничего! Я просто

в бешенстве! Да что он вообще себе позволяет, этот Валар! Наглый, самоуверенный хам! Бесстыжий и ...

Чувствую внезапную перемену в настроении и почему-то начинаю улыбаться. Как дуручка. Целуется он все-таки потрясающе. А размеры его прибора так и вовсе поражают. Интересно, каково заниматься с таким сексом. Он вообще поместится хотя бы куда-нибудь?!

Нет. Точно дуручка думать о таком. Мне еще работать с ним, а я уже представляю его половые органы во всех подробностях. Хотя, с его прытью, он сам быстренько мне их продемонстрирует, даже не покраснеет. Благо старший адекватный. Очень надеюсь, что присутствие Ирима сможет сдержать напор этого беса. Интересно, а у Ирима какой?

Тьфу! Ну говорю же, озабоченная дуручка. От Риски, наверное, заразилась.

— Приказано доставить вас домой!

Пугаюсь чужого голоса за спиной и только сейчас замечаю своих провожатых. Все тех, же, что везли меня сюда.

— Домой так домой, — в отделе и правда лучше не показываться. Меня и так там недолюбливают, а после Барсикова кортежа с мигалками так и вовсе сожрут с потрохами. Но все же интересно, с чего бы такая честь?

Выхожу на улицу. Машины уже заведены, и охранник нашего генерала любезно открывает передо мной дверь. И радоваться бы, но отчего-то по спине пробегает холодок. Ой, неспроста это все. Явно сопроводить меня до дома не ини-

циатива не самого Барычева, а вариантов немного. Выходит, что это двое новых моих так называемых начальников, проявляют заботу. С чего бы?

Снова чувствую на себе взгляд и с трудом удерживаюсь, чтобы не оглянуться, и только уже сев в машину, поднимаю глаза к окнам Барычева. Ирим стоит у распахнутых створок и, скрестив на груди руки, смотрит в мою сторону. Почему-то кажется, что он трогает меня, проводит пальцами по волосам, медленно наклоняется, приближаясь губами к моим векам и тянется, чтобы поцеловать их. Хочется зажмуриться, отсесть подальше, но меня будто магнитом тянет, не отпускает. А в груди странное ощущение: страх и бабочки. Волнующие такие, трепещущие, будто я влюбляюсь. Дурдом какой-то! Еще розовых единорогов не хватает, и полный комплект будет.

Меня отпускает лишь в тот момент, когда он делает шаг назад и исчезает из виду. Вместе с ним уходят и те необъяснимые ощущения.

Машина трогается с места и под аккомпанемент сирен мчится по трассе, обгоняя потоки плетущихся автомобилей. До дома я добираюсь за полчаса, и все это время думаю об инопланетниках. Зачем-то пытаюсь воссоздать в памяти их образы, голоса, то, как они двигались и даже пахли. Да, они и на Красном фонаре меня впечатлили, такие мужчины не могут остаться не замеченными, но сегодня...когда они предстали во всей красе, да еще и дали себя потрогать, мой мозг

отказывался думать о чем либо, кроме них. Все-таки, любим мы женщины, всяких экзотов.

«Ты вернешься в отдел? Я еще тут, могу подождать»

Постанываю, получив сообщение от Макса. Вечно я о нем забываю!

«Встретимся на месте» — отвечаю сразу, и пытаюсь переключиться с мысли о новых начальниках на мысль, что бы такого надеть.

Я давно ничего себе не покупала. Как-то не до шопинга было. Сейчас ехать в магазин уже нет времени, а с Рисксой мы в разных весовых категориях. Придется порыться в шкафах. Честно, даже не помню, что у меня есть для свидания.

Впервые за последние пару лет включаю музыку на всю. Когда начались головные боли, стало не до развлечений. А сегодня что со мной? Колонки дрожат и плюются пылью, а я танцую и пою! У меня ничего не болит! Я иду на свидание! Не жизнь, а сказка! За что мне такое счастье? Кажется, я взлечу, настолько себя прекрасно чувствую.

Выбираю между джинсами и маленьким черным платьем. Платье в тире странно, но хочу быть красивой. Уже представляю, как круто выгляжу в платье, повторяющем изгибы фигуры, с пистолетом в руках. Огонь, а не женщина!

На радостях выуживаю из закровов утюжок для волос и делаю еще и укладку. Меня точно не кусала модная собака?

Пока вытягиваю каштановые пряди, прихожу к пониманию, что стараюсь не для Макса. Мне вообще все равно, что

он обо мне подумает. А вот если бы меня увидели Ирим и Валар...

Фыркаю на свое отражение, недовольная этой мыслью, и тут же иду красить губы алой помадой. Сегодня ничто не испортит моего настроения.

Вызываю такси, и перед самым выходом вспоминаю, что у меня и туфельки новенькие имеются. Лезу в шкаф и достаю из глубины коробку с ни разу не надетыми шпильками.

Примеряю красные лаковые туфли и тащусь сама от себя. Ну нельзя же быть такой красивой! Может, конечно, перебор для тира, но мне так хочется! У меня сегодня праздник!

Лифта в нашем подъезде нет, спускаюсь пешком на десятисантиметровых шпильках по выщербленному полу. К первому этажу понимаю, что погорячилась, но назад возвращаться нет времени. Такси уже ждет, да и Макс прислал сообщение, что на месте.

Вспоминаю, как неслась по пожарной лестнице на Красном фонаре, и улыбаюсь. Там туфли поудобнее были за счет широкой платформы и устойчивого каблука. Да и изящной походки никто не требовал. И, кстати, это не помешало мне обратить на себя внимание Ирима и Валара.

Да чтоб их! Опять они в моей голове.

Недовольный водитель, пинает колеса и матерится себе под нос, но, увидев меня, застывает на месте и чуть ли не давится своей сигаретой.

— Извините, — улыбаюсь, довольная его реакцией.

— Да ну что вы! Это моя работа. Тем более, такую девушку подождать... — расплывается он и бежит открывать двери. И это в эконом классе!

Краем глаза замечаю суету у дороги, поворачиваюсь и вижу, как ларёчник отвешивает сыну подзатыльник и что-то объясняет, размахивая руками, а после провожает взглядом мое такси. Значит, и они видели.

Стараюсь не обращать внимания на взгляд водителя в зеркале и пишу Риске.

«Еду на свидание»

Прочитано, но с ответом не спешит.

«Эй! Я вняла твоим наставлениям и решила заняться личной жизнью»

«Я в шоке» — получаю смайл с выпученными глазами, и тут же звонок.

— Ну ты даешь! Там пол отделения в лесу сдохло что ли? Ты же вечно дома и никто тебе не нужен!

— Вчера Максу звонила по делу и вспомнила, что давно обещала сходить с ним в кино.

— Одобряю. Хороший мальчик, — мурлычет она, — ну а к Барычеву как съездила? Там все обсуждают, что он за тобой кортеж свой прислал, охрану. Я уж было подумала, что и этого бес попутал.

— Нет, слава богу. Я думаю, это инопланетники подсуетились. Нужна я им зачем-то.

— Ну и как они? — в голосе слышу надежду на «долго и

счастливы».

— Не поверишь! Это наши глиттермены.

— Да ладно! — верещит Риска, — и что? Ты сказала все, что о них думаешь?

Ага. Скажешь им...зацелуют до смерти.

— Я под их управлением теперь, Рис.

— Вот повезло!

Качаю головой. О работе эта женщина не думает совершенно!

— Они тоже по делу о гонарской бирюзе?

— Официально да. А как на самом деле...

— А я буду думать, что к тебе прилетели. Остались сражены твоей красотой, влюбились и разыскали тебя в дальнем краю Вселенной.

— Любишь ты сказки!

— Вот посмотришь! Месяца не пройдет, как влюбишься в одного из них. Спорим?

— А давай!

— На новый телефон.

Смеюсь над Рискиной глупостью. Ну я же отдаю себе отчет, что влюбляться в инопланетных мужчин с темным прошлым и засекреченным настоящим, полный абсурд. Максимум пофлиртую.

— Годится!

Прощаемся с подругой, когда такси останавливается у тира. Водитель спешит обойти авто, чтоб открыть мне дверь,

но Макс уже тянет руку, сверкая собственническим взглядом на водителя. Тот ретируется и с пробуксовкой рвет с места. А вот Макс стоит как вкопанный – меня разглядывает.

— Привет! — говорю первая, чтоб покончить с тишиной.

— Привет... — мычит Макс и протягивает букет нераскрывшихся пионов, — это тебе.

— Очень красивые. Спасибо! — принимаю цветы и с удовольствием вдыхаю едва ощутимый сладкий аромат. Обожаю пионы!

— Идем? — Макс постепенно приходит в себя, но все еще недоверчиво посматривает в мою сторону. Будто закроет глаза, а я раз, и снова в несуразной форме!

Проходим внутрь здания. Раньше тут была тренировочная база для спецслужб, а теперь здесь могут упражняться все желающие.

— Ты уверена, что хочешь пострелять?

— Да. Почему спрашиваешь?

— Ну ты..красивая такая... — запинается Макс.

— Разве в тир ходят только некрасивые?

— Понял, — улыбается он и нерешительно поднимает руку, чтобы положить на мою талию, — в учебный зал?

— Обижаешь! — улыбаюсь, а сама пытаюсь понять, нравится ли мне ощущать его ладонь на своей спине, и прихожу к выводу, что абсолютно пофиг! — разомнемся на сенсорах, а потом как пойдет!

По глазам вижу, что Макс впечатлен еще сильнее. Следую

за ним в зал для сенсорной стрельбы, и вздрагиваю — между лопаток будто кусочек льда приложили. Инстинктивно оборачиваюсь и...

— Какая встреча! — Валар, стоящий в дверях тренировочного центра, раскидывает руки в стороны, — а мы тоже решили пострелять, правда, Ирим?

Ирим не отвечает. Сверлит меня взглядом, и я теперь чувствую не то что кубик ледяной. Глыбу! Причем ощущение, что меня заживо в лед заковывает. Сглатываю и смотрю на Макса. Мне почему-то перед ним неудобно, хотя я не при чем.

Двое инопланетян шагают по коридору так быстро, будто летят, и закон гравитации на них не действует. А еще их головы почти что цепляют потолок, но это не заставляет их сутулиться, плечи мужчин расправлены, будто здесь достаточно места для таких огромных представителей иной цивилизации.

Как ни странно, они одеты, видимо, чтобы людей не пугать. И, если честно, выглядят потрясающе! И где только взяли модные пиджаки таких размеров? Между прочим, распахнутые и позволяющие увидеть красоту их идеально прокачанных тел. Трясу головой, ругая себя за то, что отмечаю такие интимные подробности, а инопланетники улыбаются. Правда, как-то опасно, не радушно, и мне уже хочется протиснуться куда-нибудь в щель, чтоб меня не было заметно. А я еще и вырядилась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.